

18+

Владимир Дудко

Крах наступательной стратегии ВМС США на ТОФ

КНИГА 2. НА ОСТРИЕ СТРАТЕГИЙ

К-492 ☆ ☆

НП "ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕСПУБЛИКА"
МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

В. Я. Дудко

Крах наступательной стратегии ВМС США на ТОФ. Книга 2. На острие стратегий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64698526

ISBN 9785794908541

Аннотация

«Крах наступательной стратегии ВМС США на ТОФ» – уникальные воспоминания командира атомной подводной лодки 671 РТМ Советского Военно-Морского флота о своей боевой службе, включая реальное и эффективное противодействие ядерным силам США. Эта книга послужит памятью офицерам и адмиралам, посвятившим большую часть жизни службе на флоте и с честью пронёсшим флаг своей Родины по морям и океанам, обеспечив безопасность Отечества.

Содержание

КРАХ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ ВМС США НА ТОФ	7
КНИГА 2. НА ОСТРИЕ СТРАТЕГИЙ	7
ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	8
Подводные асы 45-й дивизии Тихоокеанского флота СССР	10
Слово от автора	19
Введение	26
НА ОСТРИЕ СТРАТЕГИЙ	33
ГЛАВА I. Битва за Тихий океан	34
1. Делай на войне то, что противник почитает за невозможное	34
2. Отличай честолюбие от гордости и кичливости	40
ГЛАВА II. Безверное войско учить, что перегорелое железо точить	48
1. Всё прошлое я вновь переживаю	48
2. Будь чистосердечен с друзьями своими, умерен в своих нуждах и бескорыстен в своих поступках	52
3. «Бить склянки». Переход в Приморье	56
4. При строгости надобна милость, иначе строгость – тиранство	74

ГЛАВА III. Истина – благосклонна одному достоинству	79
1. Прощай проступки ближнего и никогда не прощай своих собственных	79
ГЛАВА IV. Любовь к Родине – главное достоинство человека	102
1. Подозрение – мать премудрости	105
2. Легкие победы не льстят сердцу русскому	109
3. «Не надлежит мыслить, что слепая храбрость даёт над неприятелем победу, но единственное, смешанное с оною – военное искусство»	118
4. Теория без практики мертва, практика без теории слепа	128
ГЛАВА V. Воинским делом мы от тьмы к свету вышли	132
1. АУГ вероятного противника	132
2. В уставах порядки писаны, а время и случаев нет, а посему не следует держаться устава яко слепой стены...	135
ГЛАВА VI. «Военное дело – первое из мирских дел яко важнейшее для обороны своего отечества»	155
1. «Дело мастера боится, и копьё крестьянин не умеет сохою владеть – хлеб не родится»	155
Конец ознакомительного фрагмента.	156

Крах наступательной стратегии ВМС США на ТОФ Книга 2. На острие стратегий

В. Я. Дудко

Благодарности:

НП "ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕСПУБЛИКА"

Директор издательства: Бояринова О.В.

Руководитель проекта: Крючкова А.А.

Редактор: Курочкин В.П.

Вёрстка: Измайлова Т.И.

Обложка: Дондупова С.Ж.

Книга издаётся в авторской редакции

Возрастной ценз 18+

Печать осуществляется по требованию

Шрифт Business Elegance

ISBN 978-5-7949-0854-1

ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕСПУБЛИКА

Издательство
Московской городской организации
Союза писателей России
121069
Россия, Москва
ул. Б. Никитская, дом 50А/5
2-ой этаж, каб. 4
Мы издаём книги
авторов, пишущих на русском языке
в XXI веке
Электронная почта: litress@mail.ru
Тел.: + 7 (495) 691-94-51
Будем рады
сотрудничеству с новыми авторами!

© В. Я. Дудко, 2021

ISBN 978-5-7949-0854-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КРАХ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ ВМС США НА ТОФ

КНИГА 2. НА ОСТРИЕ СТРАТЕГИЙ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В истории атомных подводных лодок Советского флота есть наиболее яркие страницы, когда в периоды самых крупных и судьбоносных наступательных учений (операций) американского флота против СССР, флот США натывался на такое противодействие подводников, которое лишило смысла всех его операций. В самый критический момент подводники СССР наносили сокрушительный удар, от которого враг уже не мог оправиться. Подводники вносили свой решающий вклад в победу, останавливая самые агрессивные намерения «партнёров».

Об этом повесть – об уникальной боевой службе ПЛА 671 РТМ проекта, впервые действующей против АМГ США скрытно и эффективно в течение нескольких недель на самом крупном учении США на ТОФ за всю послевоенную историю «FleetEX-83-1», находясь внутри ордера и сопровождая главную цель – авианосец, оставаясь не обнаруженной.

Отдельного внимания заслуживает тактика ПЛА, созданная в результате освоения новой техники и уникальной цифровой методики обработки акустического сигнала,

изучения гидроакустических полей кораблей, подводных лодок, вдумчивой работы экипажей. Эта значительная часть истории атомного флота Советского Союза, его минуты славы не должны уйти в безызвестность, оставив нам горечь утраты этого флота, гибель многих новейших кораблей в период нештатных преобразований и реформ, выполненных с сомнительной перспективой «оптимизации» флота России в 90-е годы прошлого века. Средства поиска и обнаружения противника будут совершенствоваться и дальше, но героизм экипажей и их преданность делу должны сохраниться в памяти потомков.

Подводные асы 45-й дивизии Тихоокеанского флота СССР Из истории командира «К-492»

*«На рубеже тысячелетий —
Нам, Русский Крест в бою нести,
Родиться и уйти в бессмертье
На этом праведном пути!»
И. Тимченко*

Эта книга интересна по нескольким причинам. Она рассказывает о победах советского флота и роли в этом Владимира Дудко, командира ПЛА «К-492», одного из подводников 45-й дивизии подводных лодок Тихоокеанского флота (ТОФ), внёсших свой исключительный вклад в дело развития флота и не получивших высшую награду советского народа — Звезду «Героя Советского Союза», но при этом мало известных за пределами флота. Хотя В. Дудко и стоит в ряду первых асов лучших командиров-подводников, у нас его имя, в лучшем случае приводится вот в той самой строчке из таблицы списков ненаграждённых.

Как-то исторически сложилось, что наибольший интерес у прессы вызывали те подводники, на счету которых числились крупные аварии и происшествия. О них перестроечная пресса трубила на каждом углу, подчёркивая не состо-

тельность и не боеспособность флота, хотя главные успехи к советским подводникам приходили не за публичные, а за секретные хорошо выполненные задания. Широко известны популярные в то время практики переходов подо льдом, кругосветные плавания и другие плановые мероприятия. Безусловно, о первых походах под лёд, когда это было неведомо и опасно, говорили так же мало, но вот о последних, когда это уже не являлось чем-то экстраординарным, сложено невероятное множество легенд. В то же время уже почти никто не помнит, кто они – те, кто был первыми по результативности командирами, переломившими ход триумфального преимущества американских подводников, те, внедрившие обнаружение и слежение за лодками вероятного противника в повседневную практику. Кто помнит, что ПЛ «К-492» под командованием В. Дудко была наиболее результативна, а он был первым по результативности асом, открыв охоту на американцев. Безусловно, периодические переходы лодок подо льдами меняли обстановку на море. Но гораздо большим ударом для американцев стало бы уничтожение первой стратегической лодки типа «Огайо», вышедшей на свою первую боевую службу в период судьбоносного для страны учения авианосного флота США на ТОФ «FleetEX-82-1». Учение было равносильно началу войны, проводившееся американцами с целью принуждения советского командования к стратегическим уступкам, связанным с подписанием договоров СНВ-1, СНВ-2 и др.

(Договор между СССР и Соединёнными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений, СНВ). Все-таки кажется, что ледовые походы были не более чем звонкой пощёчиной, а вот победа «К-492» в Бангоре – болезненный удар с далеко идущими последствиями.

Практически никто не знает, что на счету командира «К-492» капитана 2 ранга В. Дудко кроме многочисленных долгосрочных контактов с ПЛА вероятного противника и подлёдного плавания, было участие в уникальной операции, впервые проведённой подводной лодкой СССР в Тихом океане – это скрытное четырёхнедельное слежение в позиции применения оружия за АМГ (Авианосная многоцелевая группа) завершившееся разведкой боем и практически срывом (читай уничтожением) задач, стоявших перед многоцелевой группировкой американцев. Группа состояла из трёх авианосцев и сорока кораблей эскорта, около 300 самолётов палубной авиации, участвующих в учении «FleetEX-83-1». Цель учения – принуждение советского командования к территориальным и политическим уступкам под давлением американского флота. Массированное и беспрецедентное применение флота США с крайне агрессивными намерениями, поставили мир на грань ядерной войны. В итоге по результатам учения противник был вынужден признать превосходство советских лодок в борьбе с авианосными соединениями и их преимущество в применении ору-

жия, и отказаться от проведения подобных манёвров на ТОФ на десятки лет. До сегодняшнего для ни одного подобного учения на ТОФ американцами не проводилось. Это ли не успех, это ли не результат? Таких командиров в советском флоте не много, в списках результативности и успешности, занимающих первые строки в списке «королей тоннажа» (обнаружения и слежения), их фамилии почти ничего не говорят для страны. Это был странный парадокс в оценке действий командиров, когда ценили паркетную эквилибристику, а не практические боевые контакты и военный приоритет. Возникал этот парадокс в силу политического антуража, присущего в то время вооружённым силам страны и не только в ВМФ. Поэтому до сих пор существует столько противоречий в фигуре Маринеско, мастерски, с риском для жизни уничтожавшего сильного врага, но не вписавшегося в партийные догмы.

Второй причиной, по которой эта книга будет интересна российскому читателю, является то, что она знакомит с действиями советских лодок в Тихом океане. До сих пор мы почти ничего об этом не знали. А ведь в одном только Тихом океане произошли коренные изменения в балансе сил на море в стратегическом противостоянии. Вероятный противник потерял главное своё преимущество, превосходство своих авианосных соединений и морских стратегических ядерных сил на ТОФ. То есть, в отличие от всего послевоенного периода, начиная с Первой мировой войны и после Второй миро-

вой войны, действия с начала 80-х годов на этом отдалённом театре приобрели серьёзный размах. При этом действия советских лодок на ТОФ имели довольно специфический характер, резко отличающийся от операций советского флота в Северной Атлантике, и автор подробно рассказывает нам, как всё это происходило.

Наибольший интерес представляют заключительные главы, где рассказывается суть происходящего и сегодня, изложенная в результатах и выводах. В них таится смысл всего происшедшего и у пытливого читателя возникнет череда вопросов и мистических аналогий. Наверное, можно считать символической победу в этой подводной войне, не имеющей места ни до этого, ни после в России. Это ещё раз доказывает, что в реальной истории могут случаться сюжеты не менее эффектные, чем в романах.

При чтении книги может возникнуть вопрос о достоверности сказанного командиром. Не следует ломиться в открытые ворота и доказывать, что эти повествования расходятся с истиной. Результаты учений, как аксиома, не требующая доказательств, хорошо описанная в иностранной литературе, как учения объединённого флота НАТО под управлением США. FleetEX-83 – это военно-морские учения, которые проходили с 29 марта по 17 апреля 1983 года в северной части Тихого океана вблизи Алеутских островов. В учениях приняли участие три авианосные боевые группы, состоящие из авианосцев «Энтерпрайз», «Мидуэй» и «Коралловое мо-

ре», а также их соответствующие корабли сопровождения. По словам адмирала Роберта Л. Дж. Лонга, главнокомандующего американскими войсками в Тихом океане, FleetEX83 представлял собой: «...крупнейшие учения флота, проведённые Тихоокеанским флотом со времён Второй мировой войны и не проводимые более. Объединённая оперативная группа состояла примерно из сорока кораблей, 23 000 членов экипажа и 300 самолётов» (R. W. Johnson, Shoot-down: Flight 007 and the American Connection (New York: Viking, 1986), 55). «Учения длились около двух недель и проводились в северной части Тихого океана, в пределах дальности полёта от побережья Советского Союза. Цель миссии состояла в том, чтобы намеренно спровоцировать Советский Союз в ответ так, что американские войска могли изучать их реакцию, тактику и возможности, а также продемонстрировать эффективную работу трёх авианосных групп США и Канады в совместных и комбинированных операциях по принуждению руководства СССР к уступкам на нескольких направлениях, в условиях серьёзной угрозы для безопасности СССР» (Командование дивизии Объединённого секретаря, главнокомандующего историей Тихоокеанского командования США (Camp H. M. Smith, Hawaii, 1984, 396). «Эти учения были чрезвычайно успешными и эффективными в плане объединения Объединённых сил Военно-морского флота Соединённых Штатов, береговой охраны, Военно-Воздушных Сил, канадского морского командования и Австралий-

ских военно-морских сил в эффективное боеспособное целое. Несмотря на плохую погоду, флот преуспел на всем протяжении учений». И ни слова о советской лодке внутри ордера.

Нам сегодня гораздо любопытнее другое – фактические итоги учений, качественные и количественные изменения сил. Итоги учений (ведение войны) и возникшие явные преимущества у единственной подводной лодки и её командира перед целым флотом США. В закрытом отчёте командир АМГ США вынужден был откровенно сознаться, что при непрерывной работе как корабельных, так и авиационных РЛС и ГАС, лодка не была обнаружена внутри ближнего и дальнего охранения ни разу, а контакт был установлен благодаря только визуальному обнаружению лодки с самолёта в момент её демонстрации своего присутствия.

В отчёте указано: «Проанализировав учение „FleetEX-83-1“, американская сторона после визуального обнаружения советской ПЛА, пришла к выводу, что с 4 по 17 апреля ПЛА находилась в зоне ПЛО АМГ. Большие трудности в обнаружении и распознавании ПЛА создавали многочисленные узкополосные излучения от кораблей АУС, что порождало большое число ложных контактов, на доразведку которых постоянно отвлекались значительные силы и средства ПЛО. С 9 по 14 апреля было зафиксировано несколько донесений о контакте с ПЛА, но только 7 из них, с определённой долей вероятности, можно бы-

ло отнести к контактам с ПЛА» [3] (отчёт командира АМГ 1983 г. по итогам года). Оценивая по ходу учения деятельность ПЛА ВМФ СССР проекта 671 РТМ, они пришли к выводу, «... что эта ПЛА является малошумной и представляет собой вызов системе „SOSUS“». Прогнозируемая дальность обнаружения ПЛА этого проекта антенной «TASS» должна быть не менее 20 миль, а фактически 3—5 миль. Антенны «ТАК TASS» были малоэффективны даже при наличии на борту кораблей специалистов по акустической разведке из центра разведывательного обеспечения ВМС. Такой же результат и по системе «LEMPS».

Парадокс в том, что если бы В. Дудко не «лез на рожон», когда стало понятно, что сами американцы лодку не обнаружат, то и не было бы этих, крайне важных для нас выводов американского адмирала. При этом В. Дудко совершенно сознательно создавал условия для применения всего арсенала сил и средств АМГ, чтобы выявить тактику и стратегию применения сил противником. Это было нужно для достижения в последующем наивысшего результата и другими командирами, хотя разведка боем шла в противоречие с требованиями документов и сложившимися традициями. В исторической ретроспективе он предотвратил начало Третьей мировой войны, которую Соединённые Штаты Америки готовили развязать, напав на Советский Союз, считая, что у Советского Союза нет необходимого вооружения для обороны, а именно средств обнаружения американского атом-

ного флота. В. Дудко от имени советского подводного флота дал понять противнику, что весь их ударный атомный подводный флот и авианосные соединения теперь находятся под прицелом. После этого США отказались от военного плана уничтожения СССР и перешли к плану «Б», по которому сегодня живёт Россия.

В. Дудко – удивительная, творческая личность, разнопланово участвующая в современной жизни нашего государства. Я полагаю, что книги В. Дудко заинтересуют любителей военной истории, да и не только их, потому что написаны они довольно интересно и красочно, хотя возможно и с небольшими где-то издержками, связанными со спецификой темы.

И. И. Тимченко,

член союза писателей МГО СП РФ

Слово от автора

*«Пока ученик не достигнет уровня знаний
учителя,
он не узнает по-настоящему своего учителя».*
Абу Хамид Мухаммад

Нам, людям поколения «Переходного периода» и гибели огромной страны, пришлось прожить две жизни. В первой жизни мы были беспечными и отчаянными. После сокрушительного падения, подобного падению Рима, мы стали замкнутыми, зажатыми и запутавшимися. Мы пережили падение, но должны разделить ответственность за него. Мы все ещё пытаемся понять, почему так случилось. Историческую оценку Коммунистической партии и итогов её правления, сдавшей Советский Союз в колониальное управление, ещё дадут следующие поколения, которые вряд ли оправдают гибель десятков миллионов людей, уничтоженных партией в начале и в конце века за идею «мировой революции» и идеалы не осуществимых в том виде свобод и прав человека, которые декларировались, но были нереальны в условиях железного занавеса и идеологических пут, не позволяющих полностью реализовать потенциал советского государства и советского гражданина. Россия сохранилась благодаря Советам, мужеству, героизму и выживаемости многонационального русского народа, сдерживающего партий-

ное рвение к мировой гегемонии, продиктованной мировой финансовой олигархией. Я за политруков, которые в крови и поту строили страну и беспощадно воевали, но я против коммунизма – коммуны как инструмента партии – организации для управления русским народом в рамках одной вредной для свободного русского общества идеологии угнетения и уравниловки. Сегодня уже многие командиры тех лет ушли в иной мир вместе со своими кораблями. Я видел некоторых из них измождённых произошедшей несправедливостью к ним, они уже были готовы на всё, готовые безоговорочно сдаться на милость безжалостного победителя.

Я ушёл с подводных лодок достаточно молодым, но заслуги нашего корабля и единодушие экипажа принесли всем и мне, в том числе, уважение матросов и признание командования. Я жил в гармонии со своими нравственными принципами, нормами и правилами поведения, которые диктовало моё социальное и политическое окружение. Верность, отвага, честь, Родина были опорными столпами моей жизни. Вокруг этих понятий не сложились мифы. Эти слова воплотились в делах, которые имеют вполне реальное подтверждение, в поступках с риском для жизни, в ошибках и страданиях, однако с твёрдой верой. Я не видел зла, заключённого в политической системе Советского Союза, ради которого жил и рисковал жизнью, его гордыни, отчасти извращённых добродетелей и ценностей. Я в то время не предполагал, что большая часть традиционных ценностей уйдёт в прошлое

и погибнет, как насильственная мера. Как я мог предположить, что моя страна идёт сомнительным путём и её будущее туманно так же, как моё собственное. На многих идеях, о которых я говорил и писал, особенно относительно проблем командования, тактики, жизни и взаимоотношений лежит печать обстоятельств, в них виден дух времени.

Стиль моего руководства был сформирован обстоятельствами, которые никак нельзя назвать типичными для подводной войны. Многочисленные походы с разными экипажами занимали у меня до 9 месяцев в году. На борту каждой лодки царила монотонная рутина. Нужно было добиваться пусть небольших, но относительно значимых успехов. Я приобрёл и использовал опыт командиров предыдущих поколений атомных лодок, которые осваивали первые корабли, сражаясь в ужасных условиях, присущих послевоенной разрухе и гонке вооружений не допускающей и минимального отставания и обрёл дух будущей войны. В последующем, начиная с Военно-морской академии, я помимо технических работ, выступал с докладами «О Проблемах руководства в освоение новой техники», гармонично вписывая свой стиль в политическую систему. Поэтому всегда подчёркивал идеологическую основу руководства, что придавало работе дополнительный вес. В последующие годы роль партии приобретала новый демонический характер, что в итоге и привело к гибели советского государства.

Человечество всегда живёт в ожидании изменений от ка-

тастроф до апокалипсиса судного дня. Сегодня на месте командира, вместо бесшабашного рыцаря, мы имеем логику, чистого мыслителя, который должен вести своих людей хладнокровно и умно, сохраняя самообладание. Сегодня меняя сословность общества, нужно сделать всё, чтобы честью дорожили те, кто служит Отечеству. Не будет существовать тот флот, в котором заведётся и укоренится безразличие. Ни новые корабли, ни миллиарды, вкладываемые во флот, ни новейшие изобретения, ни чванство, ни заносчивость перед противником, не избавят такой флот от гибели от врага, в котором господствует дух победителя, преданность Отечеству и верность морской службе. Без высокого морского духа, основанного на духовности и преданности, ничто иное не даст флоту здоровья, а кораблю мощи. Бесконечные смотры, бордюры, покраски и др., что делается для отвода глаз (т. е. смотров), будут обманывать и людей и себя, при этом не жди ни добра, ни пользы, ни дисциплины, без которых флот не существует.

В сражениях победа достигается верой в победу и присутствием духа, стоит командиру поддаться самому ничтожному сомнению, и он погибнет сам и погубит экипаж. Воспитание командира это не партполитработа. Побеждает тот, кто в первую очередь побеждает себя, обладая внутренним стержнем, уверенностью и уважением страны, тот кто даже в самых трудных предприятиях одерживает победу сначала над собой, и уже эта, пусть даже маленькая победа над

собой делает человека намного сильнее, делает его способным победить противника намного сильнее себя. Такой командир никогда не пойдёт в лоб в припадке страха и отчаяния – глупейшее решение, а если командир способен принять решение для себя, понять, что и как ты хочешь сделать, реализовать это решение смело и беззаветно, это уже успех и дальше это даёт смелость и лёгкость. Вера в себя вызывает у командира желание победить, а это позволяет ему ещё до боя убедить противника в своём превосходстве – вот что достойно славы, вот что путь к успеху! Успех составляется из множества предусмотренных и обдуманных мелочей, которые в совокупности и дают этот путь. Не кровопролитие, а интеллект, усиленный Верой, даёт превосходство над противником, чтобы сегодня офицер и матрос смогли обрести эту уверенность победителя, нужны совсем другие формы признания, поощрения и строгого, даже жестокого воспитания и воинской дисциплины. При этом наравне с требованиями, предъявляемых флоту и командиру нужны доказательства востребованности, которые выводили бы его в защищённую часть общества, делали человеком обеспеченным, не униженным нищетой, не допускали бы вседозволенности иных представителей власти по отношению к офицерам и их семьям. Их служба должна в широком смысле оплачиваться пропорционально тем заслугам и тому значению, которое обретают капиталисты и получает государство, находясь под защитой флота. Всё что создано гражданином страны, долж-

но быть надёжно защищено государством, находиться в пределах государства и приносить пользу людям и этому государству, а не лежать в банках других стран. Богатство – это не записи на счетах, которые могут исчезнуть моментально, богатство – изобилие у человека или общества нематериальных и материальных ценностей, созданных ими, работающих на них и надёжно защищённых ими, в том числе и таких, как деньги, средства производства, недвижимость или личное имущество, превышающее жизненные потребности человека (достаток). Богатство не должно быть чрезмерным, но должно позволять хранить честь и достоинство, не оглядываясь на свои сундуки и деньги.

Нельзя обеспечить обороноспособность государства людьми «второго» сорта. Верховный Главнокомандующий непрерывно акцентирует на этом свои выступления. Сегодня к Российской армии приковано внимание. К армии и флоту всегда приковано внимание власти, когда имущество российских олигархов, нажитое непосильным трудом, может быть сиюминутно экспроприировано заокеанскими воротилами. Просто сказать, что флот и армия сегодня ещё не стали элитой, это ничего не сказать. Элита это, прежде всего люди – офицеры и генералы, адмиралы и военнослужащие элитных частей, имеющих государственный статус, априори выделяющий их в высший слой (или слои) социальной структуры общества, осуществляющий функции управления, развития военной науки и культуры, признание об-

щества. В любом адекватном обществе, при наличии ряда элит (политической, экономической, административной, военной, религиозной, научной, культурной), уравнивающих друг друга и предотвращающих установление тоталитаризма и/или колониализма, военная элита должна служить основой государственной власти, и иметь возможность участвовать в управлении и пользоваться благами охраняемого им общества наравне со всеми элитами. Воспитание военной элиты дело сугубо государево, сохранив лучшие качества советской армия, государство не должно допустить к власти в армии тех, кто не разделяет взглядов народа и благородных идей государственной политики. Сегодня в нашем обществе очевиден явный перекося в сторону т. н. сценической богемы, непомерно жиреющих разных администраций и участников политических шоу. К ним приковывается внимание общества, они являются его «элитой», делая всех остальных заложниками их страстей.

В. Дудко,
контр-адмирал

Введение

*«Большие побеждает разум и искусство,
нежели множество».*

Пётр I

FleetEX-83-1 – это военно-морские учения, которые начались для нас – экипажа подводной лодки 671 РТМ проекта, с 12 марта 1983 года, активная часть проходила с 29 марта по 17 апреля 1983 года в северной части Тихого океана вблизи Алеутских островов. В учениях приняли участие три авианосные боевые группы, состоящие из авианосцев «Энтерпрайз», «Мидуэй» и «Коралл Си – Коралловое море», а также их соответствующие корабли сопровождения. По словам адмирала Роберта Л. Дж. Лонга, главнокомандующего американскими войсками в Тихом океане, FleetEX-83 представлял собой «крупнейшие учения флота, проведённые Тихоокеанским флотом со времён Второй мировой войны. Объединённая оперативная группа состояла из трёх авианосцев, примерно из сорока кораблей, 23 000 членов экипажа и 300 самолётов».

Активная часть учения длилась больше двух недель и проводилась в северной части Тихого океана, в пределах дальности полёта авианосной авиации от побережья Советского Союза. «Цель миссии состояла в том, чтобы намеренно

спровоцировать Советский Союз на действия так, что американские войска могли бы применить оружие и изучать реакцию, тактику и возможности СССР. США были намерены продемонстрировать эффективную работу трёх авианосных группы в совместных и комбинированных операциях на нескольких отделениях в США и Канаде, в условиях серьёзной угрозы для безопасности сторон. Эти учения должны были быть чрезвычайно успешными и эффективными демонстрируя единство и мощь объединённых сил Военно-морского флота Соединённых Штатов, береговой охраны, Военно-Воздушных Сил, канадского морского командования и Австралийских военно-морских сил как эффективное боеспособное целое» [1]. Здесь я привожу аналитические материалы УНЛВ США, профессиональные документы. 5-1-2011. 1983: «Самый опасный год». Эндрю Р. Гарланд Университет Невады, Лас-Вегас. Вот что пишет в итоге Эндрю Р. Гарланд:

«Если откровенно, то мы не понимали, что 1983 год в результате не связанных между собой событий стал самым опасным годом, который когда-либо знал мир, причём Соединённые Штаты и Советский Союз были ещё ближе к войне, чем во время гораздо более известных событий Кубинского ракетного кризиса 1962 года. Мы оказались на пике стратегий и кризиса 1983 года, он возник из череды несчастных случаев, недоразумений и ошибок. От широко разрекламированных событий, таких как применение президен-

том Рональдом Рейганом морали недогосударств во внешней политике до попытки Советского Союза раскрыть секретные планы нападения НАТО, экстраординарное стечение обстоятельств приблизило две сверхдержавы к ядерному обмену намного ближе, чем принято считать. Более десяти отдельных событий привели Соединённые Штаты и Советский Союз к столкновению в битве воли, исход которой обеспечил фактическое окончание холодной войны почти за десять лет до того, как она была официально признана завершённой. Из-за отсутствия открытой связи между двумя сверхдержавами, мир в значительной степени не знал о значении этих событий, как они разворачивались».

Куда отправили советскую подводную лодку и о чем молчал адмирал, когда инструктировал меня капитана 2 ранга В. Дудко перед выходом в море? Чем мы должны были пожертвовать, какие необратимые команды мы могли получить, чем для нас могли закончиться эти учения? Только сейчас это можно себе представить. Нас могли уничтожить сразу с обнаружением, если обстановка того потребует, а могли потом, после принуждения советского правительства к капитуляции.

Советские лидеры организовали в начале 1980-х годов шквал дипломатической и пропагандистской деятельности, направленной на предотвращение или отсрочку ядерной войны. Советы поддержали резолюцию 36/100 Организации Объединённых Наций, озаглавленную «Декларация

о предотвращении ядерной катастрофы», в которой первое применение ядерного оружия объявлялось преступлением против человечества. В марте 1982 года они предложили как Соединённым Штатам, так и Советскому Союзу отозвать свои атомные ракетные подводные лодки из районов их передового патрулирования, с тем чтобы уменьшить угрозу ракетных ударов в короткие сроки. Генеральный секретарь Леонид Брежнев публично пообещал не применять ядерное оружие первым, объявив – Союз Советских Социалистических Республик берет на себя обязательство не применять первыми ядерное оружие. Смело двигаясь без гарантии того, что Соединённые Штаты сделают то же самое, Брежнев немедленно объявил эту позицию в силе. «Это обязательство вступает в силу немедленно, с момента его обнародования», – провозгласил Генсек с трибуны Генеральной Ассамблеи. Подразумеваемый вызов ответить взаимностью Соединённым Штатам был очевиден. 27 января 1983 года, менее чем за шесть месяцев до запланированного прибытия ракет «Першинг II» в Западную Германию, «Правда» опубликовала предупреждение о том, что развёртывание этих ракет резко обострит ядерную конфронтацию и увеличит риск начала войны. Белый дом воспринял эти меры как пропагандистское позёрство, направленное на подрыв развёртывания ракет «Першинг-II». В этом они были правы, если не считать недооценки реального страха в Кремле. На следующий день после прибытия первых ракет Pershing II Андропов объявил,

что их новые мобильные ракетные комплексы SS-21 будут направлены на Европу. Это был сентябрь 1982 года, когда «К-492» уравнивала шансы ядерных держав в заливе Хуан-де-Фука.

Назначенные новые руководители в Кремле боролись за власть и не были компетентны, или им не доверяли принимать важные решения, а их соратники не желали или не могли перехватить инициативу. Ответа из Кремля практически не последовало. Учитывая новые технологии 1983 года и жёсткие позиции тех, кто в них участвовал, развёртывание Тихоокеанского флота США к берегам СССР приблизили войну к её стартовой позиции. Советский Союз возглавлял человек, который инициировал параноидальную невыполнимую миссию по обнаружению несуществующих военных планов. Соединённые Штаты возглавлял пожизненный антикоммунист, считавший «сдерживание» и «разрядку» слишком мягкими. Соединённые Штаты продвигались вперёд технологически со смертоносной для них ракетой Pershing II, таинственной программой космических челноков и высоким планом звёздных войн.

Американские военные стремились восстановить свои позиции с помощью сложных операций, таких как FleetEX-83-1, Urgent Fury и Able Archer «83. Все это произошло во время начала риторического наступления против так называемой империи зла. Подразумеваемая угроза Советскому Союзу проявилась в виде мести за насилия, в резуль-

тате нападения на самолёт корейской авиакомпании, когда погибли 269 гражданских лиц, в связи, с чем уровень боевой готовности ядерных сил США повысился. Советский Союз чувствовал себя загнанным в угол событиями 1983 года, а США страной поставленной перед выбором потерять средства защиты, или этим средством принять превентивную ядерную войну. Только итоги катастрофически не удавшейся провокации «FleetEX-83-1» в Тихом океане, и ослабление в связи с этим риторического давления президента Рейгана, окончательная кончина Генерального секретаря Андропова из-за почечной недостаточности, предвосхитили этот катастрофический исход, грозивший миру гибелью. Результаты войны на море как на ТОФ, так и в Атлантике резко сказались на политике 1984 года, и до конца холодной войны советско-американские отношения резко улучшились по сравнению с 1983 годом, самым опасным годом.

В это пекло, не подозревая того, мы должны были войти и повлиять на ход и исход истерической политики двух стран, сделать что-то, чтобы выпустить пар из военных, а они в свою очередь скажут об этом политикам. Не осознавая этого, мы вдруг становились на острие стратегии, грозившей уничтожению мира, становились лакмусовой бумажкой: обнаружат, поймают, утопят, тогда неминуемо эскалация силы продолжится, не обнаружат, но будут знать, что они обнаружены, а русских отследить не могут, поймут, что их флот под угрозой ядерного уничтожения – отступят. Так и произо-

шло. Об этом повесть. О Божественном провидении и мистической зависимости. Но мы об этом и своём предначертании даже не догадывались.

НА ОСТРИЕ СТРАТЕГИЙ

*«Чем меньше армия —
тем больше храбрецов».*

А. В. Суворов

*«Солдату — бодрость,
офицеру — храбрость,
генералу — мужество».*

*(здесь и далее цитаты
А. В. Суворова)*

ГЛАВА I. Битва за Тихий океан

1. Делай на войне то, что противник почитает за невозможное

Битва за Тихий океан – это серия мощных столкновений между гигантскими флотами США и союзников с советским флотом. Она велась на земле, в воздухе и в апогее, на морском театре военных действий, сохранившемся со Второй мировой войны. Война шла без перерыва с первого дня Второй мировой войны, пока американцы не были остановлены в начале 80-х годов. Они с энтузиазмом рвались к мировому господству, всем сердцем преданные чудовищной идее мирового гегемона и тирана. Но были остановлены. После этих побед, в начале 90-х другое иго легло на нашу страну, на следующее поколение, изменив понятие о человеческой свободе. И самые активные из добровольных служителей финансового мирового рабства воевали на американских флотах.

Тем не менее американских моряков нельзя воспринимать столь однозначно. И потому не удивительно, что сегодня существуют различные мнения об американском флоте. Часть людей смотрит на них как на героев. Другие считают их современными агрессорами. Военно-морской флот

США – это эффективный геополитический инструмент с высокообразованным и отработанным личным составом, позволяющий государству отстаивать свои интересы далеко за пределами собственных границ в различных уголках земного шара. Американский адмирал Альфред Мэхэн написал в своей книге «Влияние морской мощи на историю», что военно-морские силы (ВМС) оказывают влияние на политику уже фактом своего существования. В XIX столетии границу Британской империи определяли борта ее военных кораблей, в прошлом веке основным гегемоном Мирового океана стал военно-морской флот США. Подобная ситуация сохраняется и поныне, скорее всего, что ничего не изменится и в ближайшие десятилетия. В настоящее время США имеют самый многочисленный военно-морской флот на планете. Их финансовая политика позволяет неограниченно тратить деньги на содержание своих баз на территориях других стран. Практически американцам это ничего не стоит, они колонизировали мир, внедрив основной резервной валютой доллар, хождение доллара распространено по всему миру. И теперь, чтобы развернуть свою базу за рубежом, им достаточно туда пригнать свои корабли и вагон с долларами (бумагой, ничего не стоящей для США и ничем не обеспеченной) за эту бумагу американский флот содержится другими государствами.

В состав ВМС США входит больше всего авианесущих кораблей, американцы обладают самым мощным подводным

флотом и авиацией. По всему миру разбросаны их военно-морские базы. Ни одна страна мира не может сравниться с США по уровню финансирования своих военно-морских сил. Это и есть главная основа этой невиданной мощи, другие государства просто не могут позволить себе и десятой части подобных «расходов».

Военно-морской флот и стратегические силы – это основа могущества Америки, с помощью авианосцев она решает свои геополитические вопросы по всему миру и не стесняясь использует ВМФ в колониальных «разборках». Сегодня США обладают самым мощным научно-техническим потенциалом на планете, который также работает на ВМС. Правительство страны финансирует десятки программ, направленных на повышение боевых возможностей, боеспособности и защищённости флота. На воду ежегодно спускаются новые корабли, флот оснащается самыми современными видами вооружений и военной техники.

После окончания холодной войны флот США подвергся определённому сокращению, но в начале нынешнего столетия он опять стал усиливаться – и количественно и качественно. Во времена холодной войны основным противником ВМС США стал советский флот, который очень быстро превратился в грозного противника. СССР имел многочисленный атомный подводный флот, оснащённый баллистическими и крылатыми ядерными ракетами и многоцелевыми лодками. Борьба с ним стала главной задачей тех лет для

американских военных моряков. Оба флота были на острие противостояния между двумя супердержавами. Военные корабли и морские пехотинцы участвовали во вьетнамской кампании, на Кубе во время Карибского кризиса, высаживали десанты на корейском полуострове и др. Примерно с 60-х годов началось активное развитие атомного авианосного флота. Сначала эту программу критиковали, но со временем она полностью оправдала себя. Сегодня авианосцы – опять стали настоящими хозяевами морей. После 80-х годов они опять оперились и не имея противодействия в океане, перенесли всю войну на территорию России, уничтожили паритет, достигнутый советскими подводниками и флотом ВМФ, а в 20—х годах, стали просто превосходить Россию по подлодкам и количественно, и качественно.

Сегодня, через десятки лет после того, как советские подводные лодки посетили залив Хуан-де-Фука, участвовали в самых крупных учениях американского и советского флотов, у американцев возобладало мнение, что редкие нарушения морских законов были оправданы. «Победившие» союзники даже не искали свои нарушения. Однако убеждённость в том, что между действиями американских подводников и подводников советского союза имеется существенная разница, сегодня эта разница стала несостоятельна.

Возвращаясь к «героям Бангора», хочу отметить, что, несмотря на появление атомных подводных лодок, вооружённых баллистическими ракетами и других систем оружия

атомной эпохи, американский авианосец остаётся основной американской наступательной морской мощи. Практически концепция современного авианосца не изменилась с начала XX века, когда авианосцы впервые вступили в бой в годы Первой мировой войны. Потом эти корабли и их самолёты, участвуя во Второй мировой войне, войне в Индокитае в 1947—54 годах, Корейской войне, многочисленных «полицейских акциях», противостояниях и подавлении мятежей периода холодной войны выжили, несмотря на многочисленные конференции по разоружению и т. д. Современная оборонная политика Соединённых Штатов и НАТО опирается на долгосрочную программу строительства авианосцев, которая тянется в XXI век. Опыт войн, особенно локальных и примитивных, проявляется в любой авианосной операции, что делает действия авианосцев оружием, совершенно особой формой морской войны.

В этой книге обозначены эпизоды в истории развития тактики и стратегии противавианосного подводного флота СССР прошлого века, действующего против самых совершенных авианосцев всего мира. История морских войн придаёт исключительное значение авианосцам в боях на Тихом океане, что и сегодня выделяет их как особый вид оружия для войны в открытом море. И тут выходит на первый план опыт действий многоцелевых лодок 45-й и 10-й дивизии на Тихом океане. Наш опыт привносит точные описания морских боев, которые в описаниях столкновений иных фло-

тов, часто просто отсутствует. В отличие от некоторых моих коллег, которые довольствуются описанием хронологии событий, не вдаваясь в описание интеллектуальной части самого сражения, я пытаю пройтись по полю битвы, чтобы осмотреть его и показать, как я видел это сражение, где и как пали участники, прочитать донесения и записи, сделанные в районе боя. Считаю, что это важно, потому что на следующий день после окончания морского боя море снова пустынно. Даже оставшиеся не систематизированные обломки воспоминаний, уже унесены волнами на десятки лет прочь.

Поэтому я как участник, обязан прибегать к заключениям, которые чаще становятся спорными, чем у коллег, описывающих сухопутные кампании. В этой книге я в основном опираюсь на свои записи и воспоминания командиров лодок, а также на рапорты и воспоминания участников походов при выполнении боевых задач в море. Сведения о тактической организации флотов, их разделении на оперативные соединения и группы, где это возможно, дополнены указанием номеров дивизий и флотилий. Деление всех авианосцев производилось на основании тактико-технических данных корабля, принятых в США. При классификации использована система обозначений ВМФ СССР и Соединённых Штатов, приведённая в одном из приложений. Использование сокращений было сведено к минимуму. Время всегда приводится местное для адаптации читателя.

2. Отличай честолюбие от гордости и кичливости

Хотя события, описанные в книге, происходили в 1983 году, они по-прежнему представляют несомненный интерес, так как рассказывают о возникновении и развитии нового и, наверное, самого интересного направления в борьбе с авианосцами со времён Первой мировой войны, полных самых причудливых зигзагов и петель. Хотя должен отметить, что сама тактика часто повторяла концепцию давно существующих приёмов, но их наполнение было принципиально новым. Сразу хочу уточнить, данное представление тактики и стратегии отражает в основном мою собственную точку зрения, не получив пока полного отображения в руководящих документах, поэтому в документах они могут быть иными, и даже может в каких-то деталях иметь и другое решение, но все-таки я полагаю свою тактику достаточно эффективной и главное успешно реализованной и не повторённой никем пока в реальности.

Хочу обратить внимание, что в 1982—1983 годы авианосцы участвовали на ТОФ в наиболее значительных учениях, имитирующих 100%-ные военные конфликты, в которых они принимали участие, как оружие в бою. Во всех остальных более поздних войнах даже с фактическим применением авиации и оружия, авианосцы, если они и исполь-

зовались, то действовали как плавучие аэродромы. Ни тактики, ни стратегии, ни манёвров. Учений похожих на учения «FleetEX-82 и 83» больше не было. Тем не менее, следует иметь в виду, что в книге речь идет об авианосце не как корабле, а как о системе наступательного оружия, которое входило тогда в стратегическую триаду Соединённых Штатов. Роль авианосцев наглядно была видна вместе с ПЛАРБ с баллистической ракетой – стратегическим бомбардировщиком – ударным авианосцем, как компонента системы оружия, постоянно противопоставленной другой системе оружия – базовой авиации – подводной лодке – оперативному соединению. Поэтому действия быстроходного авианосного соединения в составе трёх авианосцев во главе с АВМА «Энтерпрайз», участвующего в весьма агрессивных учениях на ТОФ в 1983 году, имеют стратегическое значение. Кроме авианосца, такое же решающее значение имела подводная лодка с баллистическими ракетами типа «Огайо», входящая в стратегическую триаду.

Оглядываясь назад, на историю развития событий 1983 года и далее, очевидно, что авианосец по-прежнему остаётся основой классических флотов и ключевым инструментом установления господства на море. Опыт учения показал, что как бы война не велась – без применения оружия массового поражения или с применением, – господство на море приобретает прежний смысл и значение. Войну одними «Трайдентами» из Чезапикского залива, и «Тайфу-

нам» из Белого моря не выиграешь. Да, термоядерная бомба существует, и этот факт невозможно отрицать, но этой бомбой можно просто уничтожить весь мир, тогда любая война теряет смысл. Подводные лодки с баллистическими ракетами на борту не могут отодвинуть авианосцы на вторые роли, хотя и сегодня значение авианосной авиации в составе ведущих флотов нельзя переоценить. Появление ракет изменило сам характер морской войны, но не изменило способы завоевания территорий. Отсюда следует и ряд вопросов к людям, определявшим кораблестроительную политику нашего флота. Зачем были построены те корабли, которые были построены? И нужны ли российскому флоту авианосцы? Крамольный вопрос. Все-таки нужны. Только какие и для чего? Как связана финансовая колонизация государства с морской мощью государства, а ещё точнее с «Владением морем»?

К нашему флоту все сказанное относится в полной мере. Каждый, даже только что построенный флот уже устарел. И наш флот в такой же мере не соответствует произошедшим изменениям, как и американский. Нам требуется глубокое и вдумчивое переосмысление роли нашего флота в изменившемся мире. Однако сильный флот России жизненно необходим. Потому что военная история человечества, знает немало легендарных сражений с тех пор, как стали появляться на свете военные корабли. Эти сражения отличались грандиозными размерам и результатами – Саламинское сражение в Саламинской бухте, около Пирея и Афин, битва

в Средние века, в 1571 году, при Лепанто, в Адриатическом море. Соединённый флот христианских государств под начальством дон Жуана Австрийского вдребезги разбил корабли сарацин и египтян. Бой у мыса Трафальгар. Знаменитый адмирал Нельсон, одержал блестящую победу над соединённым франко-испанским флотом. Масса блестящих и гордых побед Русского флота под командованием адмирала, святого Фёдора Ушакова, Нахимова, Сенявина и др., даже Цусима, во время русско-японской войны, а именно 14/27 мая 1905 года, принадлежит к величайшим мировым событиям. Эти и другие великие сражения были очень кровопролитными, зачастую имеющими решающее значение в битвах за мировое господство, и вот тут на первое место выходит флот, который позволяет завоёвывать мир, не уничтожая свою страну и не воюя на своей территории. Это главная задача флота – перенести войну на территорию врага и/или океана. Великий Ф. Ушаков завоевал всю Европу, ни разу не сойдя на берег во время решающих сражений.

В начале 80-х, имея в виду наиболее вероятного заокеанского противника – США, для СССР становилось ясно, что наступательные и оборонительные операции сухопутных войск на приморских направлениях, в рамках операций фронтов, начнутся после завершения первых операций флотов. В зависимости от состава сил и объёма задач, решаемых силами флота, морские операции начнутся с самостоятельной морской операции сил флота, в которой главная

задача решается объединениями, соединениями и частями ВМФ, развёрнутыми в море. Основные объекты первого удара в морских операциях – ракетные подводные лодки, авианосные группировки и силы противолодочной войны противника. Одновременно с этим наносятся удары по центрам управления, наблюдения, узлам связи и другим объектам, с уничтожением или подавлением которых можно достичь поставленных целей в морских операциях в наиболее короткие сроки.

В состоянии холодной войны множественные морские контакты без применения оружия, формировали исходные данные, которые служили материалом для моделирования событий предстоящей войны и по ним определяли исход возможного противостояния. Как шахматист, глядя только на расстановку фигур на доске, с высокой достоверностью может объявить исход партии, так и государства могли оценить исход сражения. В успех каждого сражения закладывался боевой потенциал флота и морская мощь государства, полученного в мирное время, но влияющего на исход сражения.

Исключительное значение в развитии тактики и военно-морского искусства 80-х годов, сыграли первые походы подводных лодок 671 РТМ проекта на ТОФ, описанные командирами лодок и историками. Безусловный интерес представляет боевой опыт ПЛАТ 45-й ДиПЛ ТОФ, где была разработана и внедрена уникальная тактика противавианос-

ных войн, показавшая высокую уязвимость АМГ со стороны новых ПЛА СССР. Принципиально было доказано, что одна подводная лодка способна уничтожить авианосец из состава авианосной группы АМГ, лишив тем самым АМГ сути её предназначения. Это повлияло на изменение баланса сил противоборствующих флотов СССР и США, подчеркнуло качественное изменение тактики советских ПЛА, что и было указано в отчёте американского командования по итогам учения 1983 года на тихоокеанском флоте и по мнению командира АМГ, практически решило исход боя в пользу ПЛА СССР. К сожалению, тогда это осталось практически не замечено нашими придворными стратегами и не внедрено в практику.

В наследии великого флотоводца святого адмирала Ф. Ф. Ушакова сохранилась его гениальная тактика, с помощью которой он громил превосходящие силы противника. Он одним своим знаменитым манёвром выбивал флагмана из строя кораблей и тем самым лишал всю корабельную линию управления и дальнейшего организованного сопротивления. Строй кораблей противника превращался в бессмысленную толчею дезориентированных судов. Последующие эволюции в тактике отрядов боевых кораблей и АУС США были направлены на обеспечение надёжной защиты флагмана с моря и воздуха, но с приходом новых лодок СССР на морские театры они уже не смогли обеспечить защиты от ударов из-под воды.

Тот же «удар во флагмана», был произведён Тихоокеанской ПЛАТ, разработанный на борту ПЛА В. Дудко. Применяв новую тактику, разработанную применительно к лодкам третьего поколения, ПЛАТ скрытно заняла позицию залпа в центре американского АУС (Авианосное ударное соединение), имея на борту уникальные, суперскоростные (более 450 км/час) подводные ракеты-торпеды ВА-111 и в течение кратчайшего времени была готова ещё до начала операции беспрепятственно уничтожить оба авианосца из состава АУГ, лишив тем самым всё соединение управления и основной ударной силы. В итоге, с начала 80-х флот СССР показал всему миру настолько выросшую военную мощь и своё превосходство, что сыграл решающую роль в победе над противником в ходе холодной войны на Тихом океане. Появление новых кораблей и самолётов, новой тактики, в совокупности с развитием всего ВМФ, явилось серьёзным предупреждением для ведущих держав НАТО. К концу 80-х годов, флоты стран коалиции и США убедились в том, что усилиями собственных военно-морских сил невозможно принудить СССР к повиновению. Тогда американцы наняли нового Президента СССР М. Горбачёва, который объявил стране перестройку и сложил оружие, уничтожив флот.

В результате создаётся противоречивое сочетание тактик и целей, добродетелей и славы, алчности и тщеславия, которые вряд ли изменит эта книга. История так и не решила для себя, какими именно были мы тогда – хорошие или плохие,

герои или статисты, да и вообще, заслуживаем ли мы упоминания на скрижалях.

Я полагаю, да. А дальше – решайте сами.

ГЛАВА II. Безверное войско учить, что перегорелое железо точить

1. Всё прошлое я вновь переживаю

Я прибыл в штаб после отработки задач в море и тут же отправился на боевую службу с очередным экипажем. Последние полтора года времени на берегу у меня хватало только на то, чтобы переодеть рубашку. Вестовые на лодках не предусмотрены, поэтому это было моей дополнительной обязанностью.

В связи с отсутствием штатного заместителя командира дивизии, меня отдали приказом и объявили исполняющим обязанности заместителя командира 45-й дивизии, я сдал требуемые зачёты и пошёл в море. В 1980 году я ходил на боевую службу весной, первый раз на К-492, после ввода лодки в линию со старшим на борту НШ дивизии капитаном 1 ранга Гордеевым Игорем Ивановичем, обнаружили лодку и 32 часа следили за ней только в режиме ШП (шумопеленгования), до этого максимальным достижением считалось 1,5 часа. Затем самостоятельно вели поиск ИПЛ в зоне Авачинского и прилегающих заливов и проливных зон, где вновь обнаружили ИПЛ на маршруте перехода, загнали её

в Кроноцкий залив и следили 36 часов, пока нас не остановили командой с флота. Участвовал в двух флотских учениях по плану БП. Затем в 1981 г. старшим на борту ушёл внедрять собственные разработки создаваемой мобильной линии ПЛО на поиск ИПЛ в 1000 км зону, старшим с капитанов 2 ранга В. Водоватовым на К-251, затем на К-492 в участвовал двух противолодочных завесах и др. В 1982 году трижды ходил на БС, весной в Охотское море в составе тактической группы на К-492, затем на встречу РПК СН в Берингов пролив и с августа по октябрь на своём корабле К-492 в залив Хуан-де-Фука. Конец ноября и декабря – отработка задач. В январе 1983 года рейдовые сборы и вот в феврале старшим на борту на боевую службу на ПЛ «К-305» командиром этого корабля был Виктор Константиновичем Бондаренко.

Виктор Константинович описал в своих воспоминаниях события этой боевой службы. Я буду иногда обращаться к ним, дополняя или раскрывая те или иные эпизоды его повествования. В книге я поверхностно без деталей, изложил обоснование и логику принятия мной решений на поиск и слежении за АМГ с одной целью – заинтересовать дотошного читателя и пуститься в поиски современной тактики.

В то время, часто находясь в море старшим на борту со многими командирами, я обратил внимание, что часто командиры действовали, догоняя события, а не опережая их. Т. е. «выкручивались» из сложившейся ситуации, а не создавали её сами, держа под контролем. Мне было ин-

интересно, используя возможности лодки, гидрологии и противника, самому создать для себя оптимальные условия выполнения задачи. Читая книгу, вы поймёте, что я имею в виду. Я опишу то, что хотел сделать сам и проверить на практике свои расчёты. В результате этого похода появились новые тактические приёмы, которые нашли своё практическое отражение в действиях наших сил. По результатам предыдущих служб мы сформировали практически не существующие до этого тактические приёмы поиска, классификации, проверки отсутствия слежения, определения элементов движения цели и другие, применимые при взаимодействии с подводными лодками тактические приёмы. Теперь предстояло сформировать способы скрытного поиска, слежения за АМГ с выходом в позицию применения оружия для одиночной ПЛА, а также применения оружия против авианосного оперативного построения группой подводных лодок, действующих по единому плану. Отдельно для тактической группы подводных лодок и лодок в завесе. Каждому построению соответствовали способы управления этими лодками, действующими против АМГ и ОБК. Находясь в океане в условиях существования дальних зон акустической освещённости (ДЗАО), возникло одно из таких построений – круговой ордер ДЗАО, когда многоцелевые лодки и лодки с крылатыми ракетами располагались по кругу разных ДЗАО, а лодка управления в центре или в одной из зон, обеспечивающих надёжную связь. В итоге в специальной ли-

тературе и моей кандидатской диссертации я подробно, используя опыт этого похода, предложил и описал возможные варианты применения лодок, построения и эффективного управления лодками третьего поколения, действующими как одиночно, так и в противоавианосных группах, указал элементы строя, связи и управления в бою. В просторечии это построение получило название «шайба». Но, как обычно, новомодное образование получилось панацеей – средством, которое применялось во всех случаях жизни и при решении всех проблем, где надо и не надо. Поэтому появились и критики, и лирики этой тактики, но постоянно объяснять, что это не панацея от всех «бед» я не мог. Позже, когда офицеры начинали говорить об том построении, я спрашивал, почему «шайба», и мне практически никто не смог объяснить почему, хотя «авторов» этого построения и такой тактики было уже несколько человек. Родилась эта «шайба» после разработки тактики применения групп ПЛА 671 РТМ пр. и лодок с крылатыми ракетами, действующими в одном строю именно в дальних зонах акустической освещённости, при наличии ДЗАО и/или ПЗК, обеспечивающего нужные дистанции связи, обнаружения и применения оружия и требовала индивидуального подхода к организации управления для действий в иных условиях...

2. Будь чистосердечен с друзьями своими, умерен в своих нуждах и бескорыстен в своих поступках

И вот начало того самого 1983 года. Как всегда, главному событию года предшествовала череда чудес, после чего любое распоряжение начальника казалось естественным. Всем командирам приказано срочно прибыть в штаб, прочитал я телефонограмму. Прибыл в штаб дивизии и узнаю, что у нас учение на картах по отходу от пирса. Проводит какой-то начальник из штаба флотилии. Кто-то где-то в очередной раз навалился на винты рядом стоявшей лодки и всем приказано «проверить телеги». Т. е. провести учения по отходу от пирса.

Мы сидели на командирских сборах учились тому, что уже делали не раз. Перед началом занятий надо было правильно подобрать лицо, чтобы на нем не было унылого безразличия и тоски в глазах. Если на нём чуть заметный след участия, то ты легко вписываешься в круг задач, где каждый уже принял такое же выражение, чтобы не выделяться. Неудавшимся начальникам нравиться видеть задумчивые лица с лёгким оттенком подобострастия и нравоучительно рассказывать, что впереди лодки нос, а сзади – корма, и чтобы отойти от пирса, надо дать ход, да так дать, чтобы

лодка пошла именно задним ходом, а никак не передним. Хорошо, когда начальник видит, как ты понимающе ему киваешь и записываешь каждое слово: «Впереди нос...»

У каждого командира в руках и на столе должна быть папка. Папка у каждого своя. Папкой командир дополняет вес своего авторитета. Если папка толстая, кожаная и коричневая, то это очень авторитетный командир, если чёрная и заёртая – старый, если тонкая и пустая – разгильдяй. Без папки ты как бы и не командир. Даже содержимое папок всегда отличалось. Были очень «важные» командиры и всегда при штабе. Носить папку они умели с особым смыслом. В папке было всё, приказы, распоряжения, ручки, отвёртки и многое другое, чем чаще всего никогда не пользовались, но все равно носили. А, как они открывали эту папку, с достоинством, загадочностью, с тем самым смыслом.... Терять папку нельзя – дурной признак. Я, по молодости лет, ещё не имел папку, и это вызвало у окружающих некоторое недоумение. Но я об этом не думал. На подобных сборах думать вредно. Всё уже было придумано, вставлять свои мысли в мысли руководителя было бестактно. Лучше несколько раз ответить, что-нибудь невнятно, нежели каждый раз угадывать его подвох. Так и будешь отвечать до конца занятий, потому что на занятиях не рассуждали и времени на это не отводилось. Подобные директивные занятия, рассчитанные на всех командиров сразу от ЧФ до ТОФ, по своей целесообразности были схожи с покраской полов в казарме, бордюров, травы, пирса,

хотя после покраски было видно, что ты покрасил и не зря время провёл. Да и начальство так считало.

Сразу после занятий, в коридоре я встретил командира дивизии кап. 1 ранга Гордеева И. И., он как бы невзначай поставил мне задачу на ближайшие два месяца чётко и вразумительно: «Что вы здесь озираетесь, как проверяющий на войне? Пойдите заберите вещи и отправляйтесь на 305-ю». Ну вот, вектор жизни определён, теперь ясно, чем же мы все-таки занимаемся. Полчаса назад я ещё собирался со своим расчётом в учебный центр. Начало боевой службы должно было сопровождаться повышенной активностью штаба и лихорадкой экипажа. Но так как лихорадка это было обычное состояние, то перед БС оно усиливалось штабом флотилии, – срочно и немедленно, а лучше ночью, иначе никто этой метаморфозы не заметит. Никто ещё не знал до конца, кто с кем и когда выходит на боевую службу, поэтому если с вечера объявляют: «Завтра – в поход!», то до обеда ты должен уже уйти в море. Чтобы прекратить нервозность, всем запрещают сход на берег и начинают отлавливать недостающих людей. К концу дня отсортируют своих от чужих и вперёд. Я в такой ситуации попал на переход в Приморье на чужой лодке старшим на завод вместо Паратунки (санатория на Камчатке). Только что вернувшись с боевой службы, случайно оказался в штабе флотилии и вместо санатория пошёл на переход на ПЛА 627А проекта, атомной лодки первого поколения, на которых начинал служить в 1971 году.

Подвергнутый жестокой эксплуатации корабль, изношенный до жвака-галса, направлялся в ремонт.

3. «Бить склянки».

Переход в Приморье

Для подводника подобный переход был не редкость, но и не система. Мы вышли на рассвете. Лодка шла под обеими турбинами и одним реактором крутым бейдевиндом против напористого южного ветра, удерживая курс чуть ниже чистого зюйда. Лодка шла ровно в сторону открытого океана по серым волнам, а чёрный песчаный берег Камчатки медленно таял, превращаясь в тонкую линию, пока совсем не скрылся из виду. Во время этого плавания восточнее мыса Лопатка нас уже встретил настоящий штормовой ветер. Лодка по своим измотанным силам не могла даже погрузиться. В штабе посчитали, что, войдя в Охотское море, мы избежим шторма. У нас были не исправны запорные клапана подачи воздуха к дизелям и что-то ещё, о чём не говорили вслух. К утру, повернув на траверзе мыса Васильева право на борт, мы через Четвёртый Курильский пролив, резво направились в Охотское море. Печаль туманною грядой, оставив берегу тоску, вывела нас на максимальные ветра в районе Курильских островов со скоростью 25—30, местами до 40 м/с. Это были те самые усиления ветра между Четвертым Курильским проливом и о. Сахалин.

Его штормового величества ветра направление в центральной части Охотского моря зависело от вблизи идущее

го циклона, а так как положение циклона менялось, то и направление тоже менялось. Волны высотой 10 м и более наблюдаются в Охотском море крайне редко. И эта редкость опять досталось нашему командиру и экипажу. Наиболее жестокие штормы в южной части Охотского моря, как правило, с января по май, а в северных районах моря – с сентября по декабрь, но сегодня они все смешались и дули как могли.

Ветер зашёлся в ярости и посвежел. По-хорошему нужно было переждать, но завод ждать не мог, и мы поплелись сквозь неудачу. Время от времени гребни захлёстывали палубу, вода струилась у подветренных шпигатов, а затем уходила обратно в море. Заход ветра позволил нам изменить курс, и мы стали быстрее продвигаться к проливу Лаперуза. Уже сильно качало. Мы приготовили ужин, команда ужинала и пока мы переваривали пищу, наступила ночь. Ветер не унимался и изменился на встречный, был неблагоприятным, поэтому пришлось резко снизить ход. Заливало. В надводном положении спать вообще не приходится, нужно торчать на мостике, а тут мы шли сквозь целую флотилию рыболовных судов, время от времени наш курс пересекали пароходы, поэтому большую часть ночи мы сидели по готовности №1, несли бдительную вахту вдвоём с командиром. Ходовые огни были включены, но они располагались низко над водой и светили слабо. Чтобы лучше осветить себя я велел прикрепить к выдвижному устройству переноску и поднять её над лодкой. На этом проекте проблесковых огней не было.

Ещё мы постоянно держали готовым сигнальный прожектор, у которого кроме белого, были ещё красный и зелёный цвета. Поэтому при появлении судна светили в его сторону светом бортового огня. Так прошла ночь. Минимум два раза мы так близко разошлись со встречным судном, что сказать: «Он испортил воздух» было очень мягко, ну совсем не выразительно.

На рассвете меня сменил помощник. Я никогда не разделял любовь поэтов к рассвету на море. Именно в это время даёт себя знать длинная, бессонная ночь. А тут ещё всё сыро и серо, мокро в штанах, заливает водой и очень хочется спать. На мостике подводной лодки, сидишь, как на табуретке посреди океана и спрятаться негде. А это была ещё хоть и поздняя, но зима. При сильном ветре и морозе под минус 20—25 градусов даже от брызг и мокрого ветра покрываешься ледяной сбруей, и чем дольше, тем толще сбруя. Спустился в центральный. Внешне сам напоминал краба, всё покрыто льдом и затекло. Посмотрел: давление падало. Ветер снова стал свежеть. Я сидел в кают-компании, не раздеваясь и пил чай. У нас было радио, и мы знали прогноза погоды, но обстановка сама по себе настораживала. Радовал меня только дальнейший поворот ветра, потому что потом мы могли форсировать Лаперуза одним курсом при попутном приливном течении.

После короткого дрёма поднялся на мостик. Лодка тяжело ныряла в волну и, отдуваясь, выныривала, заливая мо-

стик водой. Надел пожарный пояс и застегнул карабин, привязался к корпусу подводной лодки, на случай если смочет. Если смочет, всё равно разобьёт о борт, зато труп не потеряют. Попутным курсом проследовал СРТ (Средний рыболовный траулер). Оттуда неслась забойная музыка и почему-то крики, или смех женщин. Видимо они уходили на пугину. Какой-то шальной матрос, спьяну, или сдуру, а может быть служил раньше на лодках, поприветствовал нас флагом, и для большей убедительности пальнул зелёной ракетой в нашу сторону. Я не смог ответить на приветствие, из-за налетевшего шквала, меня волной накрыло с головой. Пришлось выныривать из-под пространства рубки, меня снесло под козырёк мостика на перископную тумбу и шарахнуло о пиллерс спиной так, что дышать не мог. Еле взобрался опять на мостик. Плавающая «Монако» – СРТ пронеслась мимо, оставляя в море бесшабашный след от безудержного веселья людей, которые знали, что им в течение 6 месяцев предстояла каторга, и они гуляли на все деньги, шли, даже не задраив иллюминаторы. Вынырнул из-под волны. Пришлось отдышаться, чтобы немного прийти в себя и опять занять место на мостике. В этом месте море не было покрыто льдом, температура воды соответствовала средней 0—2 градуса. Командир был в центральном посту, он вызвал старпома, а сам удалился спать. Чего вдвоём торчать на мосту посреди моря.

Вскоре ветер стал почти штормовым. С раннего утра ба-

рометр упал на 20 м/бар. Лодка находилась к северо-востоку от маяка мыс Анива. Пока мы шли, ветер все время продолжал усиливаться и стал почти зюйдом, затем немного отошёл к осту. Уже низкое солнце было болезненно жёлтым, длинная гряда багровых облаков постепенно закрыла всю южную часть горизонта. Солнце скрылось за облака, но тусклый свет освещал покрытые барашками огромные волны. Вот теперь начался шторм. На нас налетел очередной шквал. Волны исчезли за стеной проливного дождя. Лодка сильно кренилась и ныряла в волны. Верхний рубочный люк был, задраен, вода не успевала уходить с мостика. Мы стояли со старпомом по пояс в воде, ветер свистел в надстройке, а лёгкий корпус был под ударами волн, нервы натянулись, как струны. Короткие, крутые, обрушивающиеся как удар боксёра, волны бились разом во все 107 метров корпуса завывая, он дрожал и отряхивался после удара, как собака от воды. Очередная волна с силой нас таранила, обрушилась над мостиком, придавила лодку и погрузила под воду, увлекая меня потоком за собой. Волна ещё раз пересчитала мной все углы в рубке, продержав меня под водой минуты три-четыре, покати-лась дальше к подветренному борту. Лодка оказалась в трудном положении – вздрагивая всем телом, она выгребала из-под воды, кренясь на подветренный борт, спасая нас от утопления. Лодка выпрямилась. Я выбрался на мостик. Лодка со слегка переложенным и зафиксированным рулём продолжала идти. Некоторое время я оставался у руля один, потом

из глубины рубки выкарабкался боцман, весь дрожа и матерясь, он сказал несколько слов в адрес погоды и стал рулить дальше. Сила ветра была ошеломляющей. Шёл проливной дождь, крупные капли оставляли глубокие следы на воде и сглаживали гребни волн. Шквал сопровождался громом и молнией. Тяжёлая стальная крышка верхнего рубочного люка (ВРЛ) над трапом внутрь лодки была задраена, на носовой надстройке хлопали оторванные лючки, но, к удивлению, надёжно стоял приваренный намертво спасательный буй. Казалось, что лодке такой шторм угрожает опасностью, он её крутит, гнёт и ломает. Когда ветер зашёл к юго-западу, Лодка стала меньше зарываться, но её стало класть на борт так, что я с мостика легко доставал воду и ждал, когда мы перевернёмся совсем. В этом направлении ещё долгое время можно было идти безопасно, но ветер зашёл дальше к западу и отмели у побережья Сахалина оказались голыми. Меня сменил старпом. Наверху делать было нечего. Выждав, пока Лодка окажется между двумя волнами, я открыл люк и проскользнул в тепло центрального поста. Наверху лил сильный дождь, и вода была под одеждой. Конечно, я был мокрый насквозь так, что, когда спускался вниз, все тело обволакивало что-то липкое и холодное.

Всего десять сантиметров металла прочного корпуса отделяло весь тот кошмар урагана наверху, от тишины и спокойствия внутри. Зашёл в штурманскую рубку погреться у горячих приборов и немного поговорить со штурманом, отве-

сти замёрзшую душу. Штурман отдыхал. На вахте был штурманенок с прозвищем от своей фамилии – Муму, который вытянулся и доложил обстановку. Здесь лодку мотало ещё больше: всё взлетало вверх, задумывалось на секунду, потом вниз и опять вверх; штурманенок был юн и укачивался до потери ответственности. Заплесневелый цвет лица с потухшими глазами и мольбой о помощи в них, выражал только муку и страдание. Он мог только стоять и реагировать. Ему было все равно, наличия мозга не просматривалось. В рубку в каютадке и сапогах протиснулся командир.

– Ну-у, пододвинулся командир к карте, – что тут у вас? Доложите обстановку.

Обстановка была на карте нарисована; что, куда – все отлично.

Командир, глядя в карту, икнул и отрыгнул, обильно выдохнув всё это в штурманёнка, отчего в рубке густо запахло обедом.

Муму и так было плохо, а тут, после настырного запаха отрыжки, тело его выгнулось, стало жарко, потом холодно, опять жарко, и слюна – верный признак – потекла...

– Ну-у, доложите... – уставился на него командир. – Что тут у вас?

В рубке не было иллюминаторов, и Муму двинулся на командира, медленно гипнотизируя его бесчувственными глазами.

Тот почувствовал недоброе и попятился, засуетился

по инерции, все ещё интересуясь обстановкой.

Отпрыгнуть командир успел, Муму рванул дверь, ведущую в гироскопную выгородку и... ха-ха-ха! – вниз по трапу захохотало, заикало и хлынуло в ведро, стоящее там, обильным извержением, усугубляя и без того удушье, стоявшее в лодке.

Торопливо отметав харч, Муму вернулся в вертикаль и нашёл глазами командира: тот всё ещё недоумевал.

– Товарищ командир! – сказал Муму, еле ворочая языком. – Разрешите доложить обстановку?

– Не надо, – махнул рукой командир совершенно по-семейному, – занимайтесь тут сами. – И после этих слов командир позволил себе исчезнуть в шахте рубки.

В кают-компании никого не было. Наступила ночь. Мне оставалось только, кое-как пристроившись, лежать на койке. Вахту несли по очереди с командиром, иногда подключался старпом, но он больше занимался личным составом «умирающим» внутри лодки. Радиолокация и гидролокация работали непрерывно, освещая обстановку. На сон в сутки приходилось около четырёх часов. Находясь внизу, трудно было поверить, что наверху всё в порядке. Но даже внизу в каюте, для не сведущего человека было ужасно. Душный и влажный воздух, все мокрое, в том числе из-за течи сальников прочного корпуса. На лодках первого поколения система химической регенерации воздуха в надводном положении не запускалась. Чтобы вода не попадала внутрь лодки,

система вентиляции из атмосферы в лодку была задраена, процентное содержание CO_2 других вредных примесей достигало предела. При таком содержании CO_2 в лодке появлялись первые признаки отравления и устойчивые галлюцинации во время сна. Непрерывные сотрясения корпуса при ударах волн были изнуряющими, приходилось постоянно держаться, чтобы не вылететь из койки. Я не спал, только дремал время от времени. Вахтенный офицер приглашал меня на мостик. Мне нужно одеться в штормовую одежду. Принесли всё, что должно было просохнуть, но не просохло. Опять влез в мокрое, вышел наверх. Сразу увидел скопление огней находящихся вблизи судов. Наверху зрелище было весьма впечатляющим. В ночи обрушивающиеся гребни вырисовывали контуры черных волн, которые шли и шли злобщей чередой. Иногда вершина волны всей массой с глухим звуком обрушивалась на крышу рубки, неся потоки воды над закрытым люком. Стоял страшный шум: ревел ветер, шумели накатывающиеся волны, с плеском скатывалась за борт вода. К тому же, непрестанно звенел и гудел корпус. По-моему, волнение постоянно усиливалось, так как Лодка двигалась все хуже и хуже. Кроме того, надо было выяснить, с чем связано это скопление судов, возле которого мы проходили. Приказал радистам установить связь на международной волне с судами. Выяснил, что тонет тот самый СРТ, который в пьяном угаре промчался мимо нас несколько часов назад. Видимо, они готовы были принять все, что уготовила

им судьба, — будь это даже столкновение с пароходом, если так бесшабашно вели себя в море, да ещё в шторм. Ситуация была крайне неприятной. Мы не имели права выходить из графика движения и приближаться к дрейфующим судам ближе, чем на 5 миль, тем более ночью в сильный шторм, когда в радиусе примерно 20 миль со всех сторон были окружены рыбаками, мелкими судёнышками, стоявшими без хода и огней, на которые с силой обрушивались волны. С другой стороны, каждое судно должно оказать помощь другому судну, терпящему бедствие в море. Наша судьба была в руках случая, и чувствовали мы себя весьма двусмысленно. Радист доложил, что группой судов принимаются меры по спасению экипажа СРТ и наша помощь не требуется. Остаток ночи я провёл на мостике, обстановка оставалась не простой. Ночь не принесла изменений. Шёл час за часом, и наконец наступил момент, когда в темной полосе на фоне тусклого света зарождающегося дня я смог различить очертания попутчика.

На мостике было очень холодно, шла большая волна, но ветер дул не такой уж сильный. Было ещё темно, и неожиданно для себя я увидел в западной части неба отблески периодически повторяющихся вспышек света. Наверное, видимость улучшилась. Интуиция не подвела. Затем далеко по правому борту я вдруг отчётливо увидел свет далёкого огня. Он исчез. Затем вспыхнул снова. Длинный интервал, и снова вспышка! И вот две вспышки, которые не оставляли

место сомнениям. По любой карте это означало только одно – маяк. Ветер, в течение ночи менявший время от времени своё направление, был юго-западным.

Увеличил ход. Теперь Лодка ходко шла, но врезалась в волны, и ветер швырял через неё брызги сплошной пеленой. Большая волна с оглушающим грохотом ударила в борт, разбилась о рубку и обрушилась на нас. Через несколько минут вырос другой гребень и, обрушиваясь, прошёл над палубой, сильно ударил меня в грудь. Всю ночь мы простояли на мостике мокрые до нитки, а сейчас, в предрассветном холоде, непрерывно окатывающая нас вода проникала под каюта, и мы промёрзли до костей. Мы очень устали, провели всю ночь без сна и потратили много сил, стараясь обеспечить навигационную безопасность. Кроме того, мы проголодались, готовить в таких условиях было почти невозможно.

Помощник вылез покурить и принёс нам по куску сырокопчёной колбасы. Сейчас бы несколько глотков водки с рижским бальзамом согрели, но у меня был закон, который я не нарушил ни разу, – в море не пить. Мы немного утолили голод, съев колбасу. Колбаса была мокрой – волны накатывались непрерывно и как раз в тот момент, когда мы её грызли. Это был довольно необычный завтрак, притом в неурочное время, неплохая смесь из морской воды и копчёного мяса для того, кто устал и замёрз. Лодка шла среди бушующих пенистых валов. Одна за другой нас подхватывали волны. Но уверенность в местоположении придавала си-

лы. Заходили в пролив Лаперуза. На мелководье волны были огромными и неправильными. Нам были видны приветливые огни маяка, и перед рассветом он оказался на траверзе. Маяк Анива был построен в 1939 году японцами. Высота над уровнем моря 40 метров видимость 17,5 миль. В конце 80-х годов маяк стал работать на автономных изотопных элементах питания (РИТЭГ), радиоизотопный термоэлектрический генератор) – источник электроэнергии, использующий тепловую энергию радиоактивного распада. Срок службы составлял 10—30 лет. В 1998 году он закончился. Маяк закрыт и разграблен. У Губернатора Сахалинской области, укравшего десятки миллиардов, не нашлось двух миллионов рублей на ремонт этого крайне важного, уникального, исторического, культурного и навигационного наследия и объекта.

Через час после того, как мы прошли маяк Анива, далёкие огни все ещё оставались за горизонтом. Вскоре на фоне светлеющего неба нельзя было различить даже отблеска. Я был знаком с восточным побережьем Приморья, и мне не нужно было угадывать маршрут, я мог спокойно оставаться на мостике, понимая, что и внизу было кому проложить на карте пройденный путь. Мы провели обсервацию, нанесли место и повернули на новый курс. Лодка шла кормой к волне при ветре в спину, управлять стало труднее, лодка рыскала, и нас заливало водой теперь с обратной стороны. Я очень замёрз и устал от изнурительной работы. Время тянулось медленно. Боцмана на руле сменил матрос рулевой, но держать

устойчивый курс на больших попутных волнах было выше его физических сил. Ждали появления суши, но пока кроме волн и моря со всех сторон ничего не было видно. Между тем шторм поутих, и мы встретили несколько судов. Наконец сигнальщик, которому я разрешил выход наверх, увидел что-то похожее на землю по правому борту. Сам я ничего не видел, но знал, что он, наверное, не ошибся и нашим трудностям скоро придёт конец. Моя вахта закончилась, я спустился вниз в тёплую каюту, скинул воду, заполнившую всю мою одежду, и не спеша переоделся в сухую. В каюте в беспорядке валялись вещи, сорвавшиеся со своих мест во время шторма. Под защитой наветренного берега волнение было слабее, и я, забравшись под одеяло, заснул. Когда проснулся, все было нормально. Военно-морской организм переварил ночь без последствий, усвоил даже морскую воду, которой я наглотался.

Мы прибыли в Приморье, в лодке ещё ликвидировали последствия шторма, а мы заходили в завод расположенный в б. Чажма, с трудом маневрируя среди обломков затонувших судов и мелей. Швартовка к неизвестному пирсу с полного разворота – большое прикладное искусство – военно-морской шик. Но только не для атомной подводной лодки первого поколения, у которой управление турбинами сложный коммуникативный процесс, а моторами в силу их слабости – почти бесполезный. Я срочно готовился убыть с лодки в аэропорт и, опаздывая, собирал вещи в каюте, пе-

реодеваясь в сухое бельё. Сама швартовка с двумя буксирами не представляла сложности, и я был уверен, что даже если командир застопорит ход, то буксиры его спокойно прижмут к пирсу. Но я не учёл обратного процесса. Думаю, что командир представил себе белый пароход, а может быть, даже и серый, закрыл глаза и видел, как он с ходу, на всех парах, весело, вместо того чтобы по всем законам гидродинамики врезаться, перевернуться, развалиться и затонуть, – на крутом вираже останавливается у пирса как вкопанный, как мустанг останавливается. Красиво, черт побери!

На стенке уже выстроились рабочие, среди которых было больше половины женщин. Командир нашего изрядно поношенного подводного лайнера – крейсера военно-морского (разумеется, у нас там и стреляло) – всегда любил шикануть и тут на глазах благодарной публики, захотел отшвартоваться вот так – лихо, не снижая хода и не пользуясь буксиром, отработав реверс турбинами.

В месте швартовки было очень тесно. Везде стояли вспомогательные суда и механизмы. Лодка шла к пирсу, между старыми затонувшими корпусами и торчащими из воды обломками каких-то металлических конструкций. У основания пирса уже стоял плавкран, для выгрузки имущества из лодки. Слыша команды по «Каштану» и доклады штурмана о глубине под килем, дистанции до пирса, умножив это на скорость лодки, я пулей вылетел вверх. Я начинал службу на лодках этого проекта и хорошо оценивал обстановку.

На мостике менять, что-либо было уже поздно. Скорость высокая, рулей лодка слушается хорошо. Мы идём вдоль пирса, остаются какие-то метры до крана. Лодка была двухвальная и неплохо управлялась, но шли мы под турбинами, у которых время перехода на реверс было не менее 50 сек., достаточно большим.

– Где буксиры? – спрашиваю я командира.

– Ничего, – говорит, – ошвартуемся как-нибудь...

Меня всегда настораживали междометия, а это ошвартуемся «как-нибудь» – то есть на одном своём полуисправном реакторе (второй только на МКУ на случай аварии первого) не имея моторов, турбины работают на винт: парусность у лодки приличная; ветер сильный попутный; лодку несёт «полный вперед»; командир непрерывно курит и наблюдает, как нас несёт форштевнем на плавкран, пришвартованный под прямым углом к пирсу, с левого борта стоит ещё лодка у пирса; справа часть пирса голая, а у левой – винты торчат, и нас ветром ещё и на них тащит, командир красуется, глядя по сторонам.

На ПКЗ все это уже заметили, повылезали наверх и интересуются, когда мы им врежем? Ужас! Штурман бубнит, как отсчёт перед расстрелом:

– До пирса 25 метров... десять... пять...

А нас все несёт и несёт... Я кричу командиру: «Реверс», – тишина.

Я опять: «Реверс». И тут до него дошло.

– «Реверс, полный назад!!! – орёт, почему-то в люк, а не в „Каштан“. – Обе турбины реверс!!!»

Механик, индифферентно:

– Упала аварийная защита обоих бортов...

Командир в истошной панике машет руками и причитает.

– Ну, всё... всё... всё... с командиров снимут... из партии выкинут... академия накрылась... медным тазом... под суд отдадут... и в лагерь, пионервожатым... в полосатом купальнике...

Штурман:

– До плавкрана осталось 15 сантиметров, 10 сантиметров, и...

– Докладываю, – невозмутимо говорит механик. – Реверс дать не могу, сработала аварийная защита реакторов обоих бортов, товарищ командир... – доносится уверенный голос по «Каштану».

– У нас заклинило...

– Вот это да! – сказал командир в пяти сантиметрах от крана.

– На, поддержи перчатки, чтоб я сдох!

И тут же форштевнем лодка, как на рога, поддела кран, а так как кран был легче лодки раз в десять, то мы благополучно вынесли его на берег, а тот, сильно обиженный, упал на камни и опасно накренился.

Все, кто видел этот фортель, обомлели. Сигнальщик нырнул в открытый люк; швартовщики посыпались на палубу

и сгнули. В последний момент команда плавкрана в жутком перенапряжении приняла меры и укрылась от удара – кто на берегу, а кто рухнул в студёные воды залива Петра Великого...

Все, кто зевал в нашу сторону с ПКЗ, издали единый вопль восторга и застыли на месте. Лодка отскочила от удара назад метров на пятнадцать...

– Глубина под килем? – бормочет командир в страстном желании своём. – Давай, старпом, жми, давай... как-нибудь... ну, милая, не подведи, вот те раз... ну... долбаный механик, ты у меня всю солярку выпьешь, ну, голубушка... давай...

И лодка, задумавшись, останавливается и, выдохнув, каким-то боком, семеня бортом, потянулась к пирсу, то ли течением, то ли ветром, а то ли жгучим желанием командира её прижимает к пирсу. Все! Приплыли!

– Во! Мля, – говорит командир, шапкой утирая пот с лица и затылка. – Вот ведь, так и окочуриться недолго с этими идиотами... Сердце опустилось... в глазах темно, даже не знаю.... С кем это было, никак не отдышаться... Ну, я думал, как я с полными штанами пойду, чуть не выпустил все под себя... да-а-а-а.... Пойдём провожу тебя, да сниму... сниму треклятье, что-то всё во мне зашло и расходилось...

Не успел я сойти на берег, как пошёл командир наш и принял на грудь прямо у механика из канистры со спиртом, одним литровым глотком. Полпирса пропахали. Нос лодки –

с лёгкими изъянами, а кран на берегу. И самое странное, что все остались живы. Вот такие мы лихие. Докладывать ни о чем не стали, лодку покрасили, а кран поставили на воду.

4. При строгости надобна милость, иначе строгость – тиранство

Конец января. Я три дня назад вернулся со стрельб. Все стрельбы прошли успешно, кроме одной, стрельба по подводной лодке. Это упражнение оставило в душе досаду и раздражение. Сколько бы меня не учила жизнь, я не перестаю верить людям и физически не переношу человеческой подлости. Служба, как езда на поезде, за окном каждый день что-то происходит. А вот в вагоне каждого хорошо и далеко видно. Видно всех своих товарищей и флот со мной или вокруг меня. Поэтому некогда отвлекаться на окно и к событиям там проявлять, как можно меньше интереса.

Мы в полигоне. Две лодки одна наша, вторая из соседней дивизии, лодка 670 проекта, считалась второго поколения, входила в состав 10 дивизии подводных лодок. Командир лодки был командиром второго экипажа, его экипаж был настолько не подготовлен, что он со своим корабельным расчётом стрелял с первым экипажем, был явно старше меня, носил лицо сноба и барина, на нем же носил бороду и обиду за непризнанный талант, брезгливо относился ко всем, кто моложе его. Стрельба планировалась как обычная дуэль: Две лодки погружаются каждая в своей точке и назначенными встречными курсами, начинают сближаться, расходятся бортами на безопасной дистанции, чтобы не создавать угрозы

столкновения при маневрировании и др. После погружения изменение элементов движения лодки были запрещены. Так сложилось, что перед этим упражнением, месяц назад он выполнял такое же упражнение и мы, согласовав схему маневрирования, договорились, что я по каналу звукоподводной связи включу «Арлекино» песню Пугачёвой, чтобы они нас смогли обнаружить. Так и сделали. Они успешно отстрелялись, и теперь была наша очередь.

«Арлекино» мне, конечно, по 670 проекту был не нужен, но маневрирование и зону разделения мы соблюдать должны. Погрузились, обнаружили цель, занял позицию залпа, выстрелил, торпеда пошла на цель и не навелась. Это плохо, если не докажут, что было неисправно самонаведение торпеды. Пришли в базу. Штурман взял маневрирование той лодки, и оказалось, что командир 670 проекта погрузился в точку, а потом отошёл на 30 каб. дальше от плановой дистанции. У практической торпеды существенно ограничена дальность хода, и при любом увеличении дистанции, торпеда не доходит до цели, а я не имею права пересекать разграничительную линию, чтобы сократить дистанцию. Это сказалось на результатах стрельбы – торпеда не дошла и не захватила цель, значит не навелась. В штабе флотилии возмущались:

– Как же так! Лучший экипаж и не поразил врага.

Было просто досадно, я доложил кальку комдиву, и он меня оправдал, но я не понимал, зачем тот командир так по-

ступил. Это же, ну подло, в конце концов. Любая подлость остаётся с человеком на всю жизнь. Они подлецы – подлецы не по должности, обстоятельствам или необходимости они подлецы по жизни, по совести. Эти будут оправдываться потом всю жизнь. Они сами не верят в то, что они подлецы, им всегда хочется, чтобы подонком был кто-то другой. И вся жизнь из этого состоит – хорошего и плохого. Хорошо, что я получил прививку ещё в училище, когда учился на выпускном 5 курсе. Мы были в увольнении, тогда с девушками ходили на танцы. Нас курсантов было трое и с нами две девушки. Военная форма после Хрущёвских реформ в армии и унижительной пропаганде, всё ещё вызывала в обществе безразличное отношение к военным и, хотя здесь на площадке в парке, была молодёжь, тем не менее отголоски той пропаганды витали в воздухе, да и эта подлая манера двоечников толпой бить отличников, с давних пор и до сего времени процветает и в школах, и в жизни. Местные отморозки в силу своего слабоумия и бытового оскотинивания, подогретые алкоголем, решили нас проучить и «отбить» девчонку. Стычка была скоротечной. Мы не пили, не курили, почти профессионально занимались боксом и борьбой, поэтому только одному из них удалось убежать. Но самое печальное, что он же и привёл милицию, чего мы никак не ожидали. Нас задержали, позвонили в училище и, в общем-то, отпустили без последствий. Но самое неприятное началось, когда наши политвоспитатели нас стали «воспитывать» – уни-

жать только за то, что мы отстаивали свою честь и достоинство, что заступились за девчонок и дали в рыло мерзавцам. И вот тут вышли перед нами подлецы в погонах, которые должны были прививать нам честь, гордость, верность и достоинство советского офицера-защитника и стали они нас оскорблять и выставять на посмешище на всякого рода собраниях, только за то, что мы не испугались, за то, что не позволили этому ничтожеству избить нас. Так чего от нас добивались воспитатели в погонах трусости, слабости и предательства? Каких командиров они воспитывали из нас, тупых и жалких? Меня из мичманов разжаловали в курсанты, а это на пятом курсе грозило многими неприятностями. Полгода я проходил рядовым отличником только благодаря тому, что я итоговую зимнюю практику фактически один из курса закончил на отлично, меня за месяц до экзаменов восстановили в звании и сняли взыскание по ходатайству моего руководителя дипломного проекта капитана 1 ранга Тимофеева Михаила Ивановича. Вечное ему спасибо и поклон.

Теперь я понимаю и могу сказать, что любой в т. ч. и неприятный эпизод в жизни, для чего-то тебе дан, веря в себя и добиваясь цели, ты всегда будешь поддержан. Человек послан сюда в эту жизнь для радости и взросления души. Господь Бог ничего от человека больше не требует. Живите по законам Божиим, и ваша жизнь не будет горестной. Но человек горести устраивает себе сам, сам строит мир, разрушающий человека, приближает себя к богопротивной жизни.

ни, и та жизнь растворяет его в себе. Вот эту жизнь и надо отодвигать. Иначе горести тебя все равно найдут. И это я уже знаю из своего опыта, поэтому радоваться жизни нужно всегда, не забывая детство и любите людей. Тогда жизнь будет начинаться каждое утро и снова все впереди. Жизнь действительно только начинается, и на самом деле всегда впереди. Не бывает прожитой жизни, есть жизнь, которая ещё не начиналась, остальное воспоминания.

ГЛАВА III. Истина – благосклонна одному достоинству

1. Прощай проступки ближнего и никогда не прощай своих собственных

Раннее зимнее утро на Камчатке. Ещё слишком темно и ничего не видно, кроме моря и туч. Гладкая чёрная поверхность чуть поблёскивает, отражая блеклую луну. Сквозь рваные серые тучи виднеются редкие звёзды. И самое главное – холодно, чертовски холодно. Я стоял на мостике, пощёвывая, внимательно оглядывал пирс и людей на нём. Они устали и замёрзли, однако вахта ещё не закончена. Им некогда любоваться красотами ночного неба, от них требуется вовремя подготовить лодку к выходу в море. Их интересуют не облака и птицы они были охотниками, но одновременно они же были и дичью. Командир ПЛ получил боевое распоряжение и сейчас отдавал команды и подготовительные распоряжения. Для погрузки оружия и продовольствия пришлось отойти на более глубоководный пирс. К этому времени лодка уже прошла проверку прочного корпуса на герме-

тичность и пополнила запасы ВВД до полных. Продолжалось приготовление лодки к бою и походу. По команде старпома экипаж занял свои места внутри лодки. Я устроился на мостике, на котором обыкновенно сосредоточивается управление лодкой и находится командир в надводном положении, мостик сейчас оставался свободным, так как все были в лодке на первом перед службой приготовлением, в том числе и командир, чтобы зорко следить за точным исполнением каждого переданного им приказа.

Механик и старпом руководили приготовлением, я находился наверху, ведя наблюдение за всем происходящим на поверхности воды, корпуса, и суши. Я хорошо знал экипаж и историю лодки. Обычно на короткие выходы приходил непосредственно за час – за два и знакомился с состоянием лодки и экипажа, проверял интересующие меня документы и замечания, выявленные штабом при проверке лодки перед выходом в море. Сейчас перед первым выходом на боевую службу, счёл необходимым появиться на лодке намного раньше времени назначенного выхода. В уме ещё раз проверял основные пункты приготовления, которые знал только я.

«Внимание на пирсе! – внезапно крикнул один из вахтенных. – На пирсе командир дивизии». Он вытянул руку, я ещё три офицера повернулись туда же. «Вижу», – подтвердил вахтенный офицер и побежал докладывать комдиву, я сообщил командиру, что прибыл Гордеев Игорь Иванович, командир 45-й дивизии атомных подводных лодок. Во время

погрузо-разгрузочных работ «смирно» не командуют и команду не строят. Почти тут же на мостике появился командир в ватнике и пилотке с надписью КД-3, видимо, сдёрнул с первого попавшегося офицера, в грязных перчатках, в которых лазил в трюм, где что-то проверял.

– Хорошо! – ответил он, повернувшись ко мне и внимательно глядя туда, куда указывал я. – Что он нам приготовил?

Вахтенный офицер торжественно доложил командиру.

– Товарищ командир! На пирс прибыл командир дивизии».

Я оставил командира на мостике, а сам спустился на пирс. На удивление комдив беззвучно выплывал из темноты, словно призрак.

– Молчаливый комдив – дурной признак, – проворчал командир, – прекрасно.

Вслед за командиром на мостик поднялись ещё два офицера. Вахтенный механик, увидев комдива, подтвердил:

– Тяжёлых дум, наверно, полн.

Вторым офицером был помощник, исполнявший обязанности лишь в одном походе. Он спросил:

– Стоит ли собрать офицеров?

– Разумеется, – нетерпеливо ответил командир. – Однако не спешите. Пусть он сам поставит задачу.

– Построить торпедопогрузочную партию, – неожиданно продублировал слова комдива вахтенный офицер. – Замена торпедного оружия.

Приказ был отдан, и тотчас внизу загрохотали сапоги. Вслед за этим на мостике появились торпедисты. Они торопливо спускались по трапу к носовому торпедопогрузочному люку, на ходу застёгивая спасательные жилеты и пристёгивая страховочные линии. Из первого отсека отдраили люк и уже доставали устройства и приспособления для погрузо-разгрузочных работ, троса и скобы и передавали их на палубу. Моряки выстраивают живую цепочку на палубу и вниз, передавая устройства из рук в руки. Вахта на мостике удвоена. Появляются мино-торпедный офицер и рулевой, который вешает на антенну флажный сигнал «Гружу боеприпасы», «Малый ход». Только теперь командир молча выразил недоумение. Трюмный мичман вынес на мостик мегафон, чтобы передавать приказы торпедистам, а заодно и перекурить.

Комдив безмятежно ждёт. Теперь его и лодку разделяют не больше 5 метров. На пирсе появляется торпедопогрузочный кран.

– Раскрепить кран, – скомандовал помощник. – Приготовиться к выгрузке торпед, – дублировал комдива вахтенный офицер.

Я позвал командира, чтобы он спустился на пирс и комдив, не объясняя причин, передал нам приказание Командующего флотилией о смене боекомплекта.

– Дальнейшие приказания получите, вскрыв пакет №... по команде с берега.

Я всё-таки попросил приоткрыть завесу такой таинствен-

ности и неожиданности, тогда Игорь Иванович, отведя нас с командиром в сторону сообщил, что тем, кто на «шхуне», будет поставлена задача в море по действиям против надводного флота США.

Теперь я стоял, не сводя глаз с первой торпеды, которую извлекали из лодки, я догадывался, что нам предстоит, затем впился взглядом в командира, не обращая внимания на суету на пирсе и людей вокруг его ног, поинтересовался, взяли ли на борт аппаратуру спектрального анализа. Оказалось, не взяли, вроде как, и не нужно. Я немного помедлил и крикнул своему акустику:

– Иди в штаб флотилии и получи спектроанализатор!

Сам позвонил флагманскому специалисту РТС флотилии и попросил передать на выход указанные приборы. Не имея спроса на них от экипажей, он уже отдал весь комплект офицерам гидроакустического полигона для проведения работ в акватории Авачинского залива. Пришлось срочно посылать людей и возвращать всё назад на борт подводной лодки. Теперь все готово к выходу. На борт прибыл прикомандированный командир гидроакустической группы с моей лодки старший лейтенант Павельев Павел. Хорошо подготовленный и грамотный офицер нам очень пригодился в походе.

Торпедисты, перетаскив очередную торпеду, подцепив её к крану, бросились по местам принимать следующую. Первый отсек методично отдавал торпеды каждые несколько минут. Это были очень высокие результаты выгрузки-погрузки.

ки. Электрические торпеды чередовались с парогазовыми. Не трогали только торпеды с ЯБП (ядерные боеголовки).

Так продолжалось почти час. Торпедисты взмокли, у них ныли спины и болели руки. Теперь, когда большую часть боезапаса поменяли, торпедопогрузочное устройство приводили в исходное положение. Дали отбой тревоги и команду на завтрак. Спустя некоторое время всё опять пришло в исходное состояние успокоилось и медленно вращалось по установившейся традиции. Я, гуляя по пирсу, молча наслаждался редким зрелищем восхода.

Приготовление было закончено. Механики вышли на МКУ реакторов и приняли нагрузку на турбогенераторы. Электрики убрали концы питания с берега, а боцмана добавочные швартовые. Теперь лодка стояла, только чуть касаясь пирса своим лоснящимся, от воды боком.

Весь экипаж, включая командира, находился на борту в готовности к отходу от пирса. Командир уже вернулся от оперативного дежурного и уже расписался за инструктаж и получил «Добро» на выход. И вдруг в 23:45 я опять сидел в приёмной адмирала штаба флотилии.

Оперативный дежурный передал мне, что адмирал занят, и он должен меня задержать на некоторое время, так как адмирал хотел меня лично проинструктировать и сделать важное сообщение по данным разведки, на котором я обязан присутствовать. Ну, что ж, я мог ждать сколько угодно. Ясно было одно, что лодка выйдет теперь не в полночь, как обык-

новенно, а тогда, когда я получу какую-то таинственную инструкцию.

Штаб даже в такое позднее время, напоминал растревоженный муравейник. Взад и вперёд пробежали офицеры, раскаты; когда же дверь приоткрылась, был слышен голос адмирала. Я сидел в своём углу с трубкой свёрнутых карт и терпеливо ждал, когда заслушают моё решение на выход в море. Я ломал голову, зачем мне повторно докладывать решение командира лодки, если днём он уже всё доложил командиру дивизии. Наконец, к трём часам ночи все успокоилось. Дежурный отворил дверь и пригласил к адмиралу.

В кабинете, кроме адмирала и начальника оперативного отдела, я увидел также начальника разведки флотилии, который придавал разведке 2 флотилии особое значение. У меня с ним были довольно дружеские отношения. Он иногда давал мне совершенно неофициальные данные и всегда интересовался материалами похода по линии разведки.

Адмирал начал объяснять мне наше задание.

Пропустив содержание боевого распоряжения, он сразу перешёл к информации за пределами официального текста:

– Через несколько дней на ТОФ предполагается прибытие двух авианосцев США. Имея опыт прошлого года, флоту надлежит подготовиться к предполагаемым учениям американцев вблизи наших берегов. Часть нашей дальней авиации переведена в повышенную боевую готовность и силы Камчатки готовы к отражению противника. В море будут раз-

вёрнуты дополнительные силы. Ваша задача будет состоять в том, чтобы быть в готовности и по команде флота принять превентивные меры: скрытно разведать состав и расположение АМГ и тем самым дать возможность распределить наши воздушные силы и направить боевые корабли и самолёты в места формирования АМГ и на маршруты развёртывания. На учении «FleetEX-82» большое значение для Американцев имели атаки на базы кораблей и лодок на Камчатке, а также объекты Курило-Камчатской гряды. Авачинский залив представляет собой подковообразную бухту. В глубине ее находится закрытая гавань, где находились корабли и лодки 2 ФлПл. По сведениям нашей разведки, авианосцы находятся на переходе морем. С востока и с юга их ожидают наши разведывательные корабли, расположение которых нам неизвестно. Ваша главная задача выйти на авианосец по данным наведения и донести об обнаружении АМГ. Думаю, что по опыту прошлых годов максимум сколько вы сможете продержаться в ордере это сутки и то если пройдёте зоны противолодочной обороны.

Флагманский разведчик вручил мне запечатанный пакет с надписью «Вскрыть по приказанию». Я стоял и рассматривал пакет сначала с интересом, потом с недоумением и, наконец, с тревогой! Я стал задавать вопросы:

– Имеются ли какие-либо, хотя бы приблизительные сведения о маршруте и планах Американцев?

– Никаких.

– Могу ли я иметь план флота на отражение агрессии?

– Нет. Для вас это все, что имеется.

– Если мы не подойдём к АМГ, то с высоты нашего перископа и с такого расстояния мы ничего открыть не сможем...

Молчание. Затем очень сдержанно, да, не лезьте на рожон, будьте осторожны, не думаю, что они вас подпустят к кораблям, главное безаварийность плавания. Как будет, так и будет.

Все это так было похоже на те инструкции, которые мы обыкновенно получали! – Можно всё, но ты сам за всё и отвечаешь! Главное, мне было неясно: что же от меня требуется? Я стал волноваться и обратился к сидящему молча начальнику оперативного отдела.

– Что вы на это скажете?

– Да, задача пока не внятная и не официальная. Флот вам таких задач пока не ставит. И в прошлом, и в этом году нашим лодкам не удавалось выйти на гидроакустической контакт с авианосцами и кораблями ближнего охранения АМГ. Любые попытки пресекались на подходах к дальнему охранению. И вы не гарцуйте, слежение в ордере – это квинтэссенция мастерства командира и экипажа, сопряжённая с угрозой для жизни. Всё же я полагаю, что мы вас должны проинформировать о возможных вариантах несения боевой службы, и вы лично должны быть к этому готовы в попытках противодействовать АМГ. Это для Вас возможно?

Подумав некоторое время, я начал формулировать ответ:

– Я хочу понять, что я смогу сделать, ограниченный боевым распоряжением? Если будут внесены изменения в план похода или даны иные указания, конечно, мы будем действовать. По сути, командир предписание получит от меня, состав сил мне не известен, маршрут не известен, разведка извне мне не доступна. Поэтому я желал бы иметь более точные приказания.

– Ничего иного мы вам предложить не можем. Отложить выход до утра, когда Адмирал подтвердит моя слова, я не могу, он сам не имеет информации флота, и я уже не хочу будить его. Но он, адмирал, приказа вам не даст!

Всё складывалось, как обычно. Нужно было самому решать, где лучше в командирском кресле или на скамье подсудимых. Я понял обстановку, вспомнил Тимофеева Михаила Ивановича, преподавателя административного права и морской этики, когда тот говорил об инициативе и ответственности командира корабля, дающей «право» принимать нужное решение без указания начальника. Но пока, как участвовать в этом «учении» было не очень ясно, но главное, когда дадут команду, за всё отвечаешь ты. Мы тебя предупреждали. Наконец я могу уйти. Прибыл на корабль. На душе сразу стало спокойнее. Слегка устыдившись своей нерешительности в разговоре, для себя решил:

– Прибудем в район, а там видно будет. Сделаем все, что возможно!

Во внутреннем напряжении, раздался вздох облегчения.

Я генетически не любил ходить по начальству и выслушивать указания, которые, как правило, носили рекомендательный характер, и я не собирался их выполнять. Зачем вызывали? Моральная поддержка! Все же я вернулся на лодку в тяжёлом раздумье. На корабле всё было готово, и все были в ожидании выхода, не понимая этой необъяснимой провоочки.

Я, выполняя просьбу НШ ФлПл, ни с кем не обсуждал обстановку и сослался только на доклад решения. Командир обошёл верхнюю палубу, чтобы убедиться, в точности ли исполнены все отданные им приказания; затем уселся рядом со мной на мостик и сообщил, что получено «Добро» на выход в море. Точно в 9 часов лодка отошла от пирса и исчезла за снежной завесой, следуя привычным фарватером. На лодке был полный штат личного состава плюс 7 человек прикомандированных, в том числе и я, плюс боезапас, автономный паек на 90 суток и полный запас бытового и расходного материала. Вышли из бухты Крашенинникова, хода и курсы переменные. Пробираясь сквозь огромные глыбы льда, я тут же вспомнил учение по отходу от пирса, которое в этот снежный мрачный морозный и ветреный день не имело ничего общего с кабинетной наукой. Мороз, брызги в лицо и колючий ветер со снегом забивал дыхание и обжигал лицо ничем не прикрытое и вызывающе незащитное среди воды, снега, мороза и ветра.

Штурман доложил, что заняли район дифферентовки. Я

спустился по трапу в открытый люк и занял своё место.

«Задраен верхний рубочный люк!» – крышка люка быстро опустилась на своё место, закрыв последний наш выход наружу. Когда, командир громко произнёс, что задраен верхний рубочный люк, этот доклад, казалось, на каждое лицо наложил заметный отпечаток какого-то пусть и привычного, но всегда нового ощущения, точно всех нас навсегда отрезали от нашего мира и на наш единственный выход в этот мир плотно надвинули океан. С этого момента какое-то особое значение приобретает каждое слово, каждое движение командира, за которым тотчас же следует самое точное и пунктуальное исполнение – каждый отлично сознает, что теперь в руки одного человека вверена драгоценная жизнь всего экипажа и лодки. Ещё резче среди чуткой тишины, послышалась дальнейшая команда – «Принять главный балласт, кроме средней!» – сигнализируя о наполнении балластных цистерн, привычно засвистел из цистерн воздух, который быстро уступал место воде, постепенно увеличивая вес лодки и постепенно уменьшая ее плавучесть.

По сосредоточенному лицу командира видно, как зорко следит он за движением стрелки глубомера и пузырьком кремометра, чтобы вовремя остановить доступ воды в балластные цистерны. Как только он замечает тенденцию стрелки к движению, быстро отдаёт приказание на те, или иные действия, исключая вероятность гибели лодки, печальный опыт, которого всегда витает над подводниками. «Заполнить сред-

нюю!» – при её помощи, погружение становится более устойчивым, и лодка уходит на перископную глубину. Я как менее всех занятый на дифферентовке, веду наблюдение в перископ. Через стекла перископа стало видно, что вода уже прикрыла всю палубу, оставив над поверхностью воды только часть рубки. Вскоре вода подошла к самым стёклам, и волной уже начало захлёстывать их, изредка закрывая и доступ света сквозь них. Теперь в лодке остаётся самая небольшая остаточная плавучесть, с исчезновением которой лодка, как всякое тонущее судно, пойдёт ко дну; с этой же плавучестью она начинает движение под водой – для чего командир дал малый ход и положить руль глубины на «погружение». Пузырёк кренометра, стоявший до сих пор на нуле, вдруг быстро отошёл от нуля и стал на делении «2» – на лодке появился дифферент на нос в 2° . Дифферент продолжал медленно нарастать и с нарастанием скорости боцман рулями удерживал его у назначенной величины. Лодка погружалась, и вместе с тем мгновенно потемнело в перископе. Установившееся было хладнокровными приказаниями командира спокойное состояние команды, сразу сменилось у многих напряжением, которое проявилось на лицах, – что, впрочем, являлось вполне простительным, так как любое изменение состояния лодки от штатного для большинства из присутствующих было сигналом к экстренным действиям. Вскоре равновесие было достигнуто, и кренометр также спокойно установился на нуле. Я опустил перископ. Лодка, продолжала дер-

жать тот же курс, каким шла, и вскоре выйдя из б. Саранной уже на глубине 40 метров мы почувствовали океанскую зыбь, лодку стало заметно покачивать. Желая поскорее укрыться от качки, командир менял курс, которым хотел сократить путь.

Всё, что происходило со мной в последние годы жизни, которые пришлись на послевоенные годы, а потом на службу, прекрасно известно. Но то прощальное восходящее и очень яркое зимнее солнце Камчатки, осветившее вершины, словно горящих вулканов, как бы высветило эти события. Первые 20 лет моей жизни, проведённые в семье военного офицера, не очень сильно отличились от действительной службы. Я родился в сентябре 1948 года в городе Фрунзе Киргизской ССР, где отец Дудко Яков Иванович, офицер НКВД, придя с фронта, продолжал гоняться за бандами в горах и преступниками в городах Киргизии. В 1952 году он погиб, и я вместе с матерью, уехал во Владивосток, где у меня появился отчим, прекрасный человек, офицер Васильев Владимир Никифорович. Теперь мы все жили вместе, переезжая из города в город. И под конец переехали во Владивосток, где я продолжил учиться и окончил Высшее военно-морское училище им. С. О. Макарова. В 1971 году мне присвоили воинское звание лейтенант, и я прибыл на флот на подводную атомную лодку «К-115», был назначен в качестве вахтенного офицера. Так начал службу во Второй флотилии атомных подводных лодок Тихоокеанского флота на Камчатке. В кон-

це 1974 г. в должности помощника командира я сдал на самостоятельное управление подводной лодкой, мне было присвоено звание капитан-лейтенант и с должности помощника командира направили в Ленинград на Высшие офицерские классы.

Служба в 45-й дивизии подводных лодок, самой эффективной и самой водоплавающей в те годы, стала настоящей школой жизни для меня. В глазах других, молодой моряк является представителем своего народа. Он знает, что о нем и его сослуживцах будут судить по нему, поэтому он с самого начала проникается сознанием необходимости строжайшей самодисциплины и повышенного чувства личной ответственности. Впечатления, которые он получает от знакомства с иными людьми и странами, учат его смотреть на свою собственную страну с ещё большей любовью.

Морские офицерские классы, где будущие командиры советского флота проходили обучение, было почти мистическим местом. Моряки называли его Невский бастион. Мы впервые учились истине морского дела по программе высшей школы. Я, когда уже стал адмиралом и служил в главном штабе, имея за плечами две академии и опыт океанских «войн», осознал, что классы были тем местом, где военное искусство командира проявлялось в чистом виде, где обучение имело вполне практический вид. Любая появляющаяся там военная идея рассматривалась и проверялась и в дальнейшем использовалась как средство обучения. Очень важ-

но, что это образование закладывало основы тактического мышления, развивая которое на кораблях разных проектов, командиры в основе сохраняли классику, заложенную на классах. Воздействие знаний, влияние на советских командиров и флот было просто безгранично, так как оно являлось первым и самым осмысленным и важным источником обучения офицера. Поскольку каждый офицер прошёл через классы, он будет командовать именно так, как его научили здесь.

Морские классы в России кочуют с 1827 года и только в 1938 году они получили своё здание 6 ВОК ВМФ. Курсы были размещены в специально построенном здании на Малоохтинском проспекте, дом 80/2, где они и находятся по настоящее время. Это красивое и знаменитое здание было заложено с одной целью обучения офицеров ВМФ СССР. Морское ведомство осознавало необходимость для страны иметь сильный флот и отлично подготовленный офицерский корпус. Интерьер главного здания напоминает музей: экспонаты в стеклянных витринах, огромные стеллажи книг, бюсты, картины, флаги и знамёна, прочие реликвии славных дней. Есть мемориальный зал, где увековечена память героев и погибших кораблей российского и советского флота. В то же время излишества отсутствуют. Белоснежные залы и комнаты напоминают некоторые дворянское собрание, а некоторые отсеки корабля, их спартанская обстановка ничем не отличается от кораблей, на которых предстоит служить вы-

пускникам. Командирские классы – это лучшее учебное заведение в ВМФ, в котором офицер получал знания конкретно по тому, что нужно будущему командиру подводной лодки или флагманскому специалисту соединения. Там преподают опытейшие педагоги, прошедшие путь флагманских специалистов соединений, командиры кораблей, подводных лодок и соединений, которые имеют громадный опыт службы и большую наплаванность на подводных лодках и надводных кораблях. К концу обучения на 6-х ВОК ВМФ проходили состязания между учебными группами на лучший КБР, ракетный и торпедный расчёты, на лучший ГКП по управлению ПЛ и др.

Во время учёбы на 6-х ВОК ВМФ я со своей женой жил на съёмной квартире. У нас в то время родился сын. Комнату нам сдавала прекрасная добрая женщина. Сегодня вспоминаю тех, с кем учился, и тех, кто стал известен. Большинство не оставило после себя ничего, кроме имён на досках отличников. Лишь эти короткие фамилии в списках напоминают о честолобивых учениках. Эти списки ещё раз подтверждают, как неуловима и непостоянна слава. И что характерно, известными становятся не отличники, а одарённые люди, имеющие способности и к учёбе, и к службе.

После окончания классов меня назначили старпомом на К-492. Командиром лодки был капитан 2 ранга Гордеев Игорь Иванович, ранее командовавший ДПЛ пр. 641, а после окончания ВМА назначенный командиром «атомохода».

Кстати, очень много командиров дизельных лодок стали «через Академию» командирами АПЛ.

Старпом на корабле – главный планировщик и он же реализатор своих планов, он же участник всех награждений непричастных и наказания невинных. Второй человек после командира, который занимается организацией службы, планированием боевой подготовки, ведением документации. Работы много, поэтому дома бывал редко. На флоте существовала даже такая фраза: «Должность старпома не совместима с пребыванием на берегу».

Экипаж направили в учебный центр на освоение нового проекта. Мы прибыли туда с уже устоявшимся мировоззрением подводников первого поколения лодок. Теперь вся учёба экипажа крутилась вокруг главной задачи многоцелевой лодки – найти ПЛАРБ противника и при этом не обнаружить себя. Решением задач поиска, отработкой тактических приёмов были наполнены наши прежние боевые службы – это все делалось практически в районах предполагаемых боевых действий и что важно с «вероятным противником», а не условно. К тому времени поиск лодки противника уже не был своеобразной игрой, где главная задача была найти противника его обнаружить и не дать ему оторваться, даже тогда, когда он тебя обнаружит, а если оторвался – найти и опять скрытно установить слежение. И это не просто поиск по интуиции, а строгие математические законы, формулы и расчёты.

У американцев появились новые лодки типа «Лос-Анджелес», вступающие в состав их флота. ГАК у них имел дальность обнаружения на порядок выше, а собственная шумность – ниже. Они решали свои главные задачи слежение за нашими РПКСН, а нас не подпускали к себе, и лишь потом нам становилось известно, что за нами следят. И нам, зная, что противник слышит дальше, приходилось хитрить, использовать тактические приёмы, вынуждающие противника обнаружить себя. А как только он занервничает, увеличит ход – мы его обнаруживаем. Все эти контакты в режиме пассивного шумопеленгования и слежение были краткосрочные (20—30 мин.), а в сравнении с результатами, полученными нашей «Щукой» по слежению за американскими ПЛАРБ, – просто мгновениями. Теперь для слежения за ПЛ мы разрабатывали свою науку – систему знаний и действий, направленных на достижение подавляющего превосходства над противником. Американские многоцелевые лодки сопровождали ПЛАРБ и авианосные соединения. Теперь нам предстояло, обнаружив ПЛАРБ искать многоцелевую лодку, и зачастую, обнаружив «стратега», мы обнаруживали сопровождавшую его лодку. Иногда многоцелевая лодка специально «подставлялась», чтобы прикрыть ПЛАРБ. А обнаружив авианосец искать лодку и корабль-ретранслятор. По мнению командования, наши «стратеги», плавая на своих РПКСН, действуют тихо и неспешно, уклоняются медленно и неторопливо, часто представление о действиях противоположни-

ков (как надводных, так и подводных) имеют приблизительное и недостаточно глубокое, в связи с чем и задачи охранения РПКСН тогда впервые стали возлагать на нас. Они были «зашорены», а надо, чтобы командир РПКСН имел полное представление о том, какие против него будут приниматься меры, в т. ч. и авиацией.

К сожалению, тогда же мы практически не отрабатывали противоавианосную войну. Она полностью возлагалась на надводные корабли, авиацию и как силы поддержки на ракетные ПЛА, действующие по данным наведения и целеуказания авиации. Такой подход полностью исключал раздел противоавианосной войны многоцелевыми подводными лодками. Нам на этом выходе предстояло открыть это направление и доказать высокую эффективность лодок против АМГ, впервые разработав эту тактику.

В Обнинске нас сразу предупредили, чтобы мы готовились к Московской квалификационной комиссии и специальной проверке по программе какого-то университета на «сообразительность» т. н. тестирование. Было непонятно зачем, если мы только приехали учиться. Нам предложили готовиться по программе командира сдачи на допуск. Мы срочно, только зачем? Повторяли вопросы живучести, знания и обязанности, в т. ч. по применению оружия, навигационной прокладке, использованию связи. Кроме того, возможны вопросы аварийности. Я построил командиров боевых частей и доложил командиру, что мы к «взбалтыванию»

готовы, зелёная форма в полном порядке.

Комиссия работала 3 дня. Вопросы были разные и часто абсурдные, кадровик у меня спросил обязанности командира полка (зачем?), у штурмана спрашивали правила совместного плавания надводных кораблей при выходе в ракетную атаку и т. д. Спрашивали не то, что нужно, а то, что помнили сами.

Уже потом после боевой службы, когда я сдал экзамены в академию (раньше сдавали, а сейчас зачисляют), я мог сравнить учёбу в академии и на классах. Учиться в ВМА было интересно, было много материала до того не известного, я активно писал свои научные работы и главное находил отклик на них у преподавателей академии. Теперь я понимаю в чем была принципиальная разница Академии с 6-ми ВСОК. На классах мы «закрепляли» то, что уже прошли на корабле и теперь отрабатывали всё практически, чего нельзя было сделать в море по понятному ряду причин (выход в торпедную атаку, отработка управления кораблём во всех критических ситуациях, приготовление на железе оружия к стрельбе и т. д.), Учеба на ВСОК ещё и потому отличалась, что преподавали те дисциплины, которые требовались непосредственно командиру корабля, и специфика вопроса во многом уже была знакома, требовалось лишь систематизировать имевшийся опыт.

Тренировками руководили опытные подводники, и от них зависело, получите вы подзатыльник или поощрение. Каж-

дую атаку анализировали, и многократно повторяли. Одно дело выйти в атаку на тренажёре, другое – по данным пассивных средств наблюдения в океане и при активном противодействии. Сдать экзамен было не просто, но вот настоящее беспокойство появлялось, когда следовало проводить зачётные упражнения, охватывающие весь курс на боевом корабле. Здесь самому приходилось исправлять сделанные ошибки и принимать молниеносные решения и не только в последнюю минуту, когда кораблю угрожала опасность. Для молодого офицера это, наверное, был настоящий и замечательный период в карьере.

Квинтэссенция всей учёбы и специализации была в учебном центре. Если коротко, то нужно было узнать новую лодку, применить все полученные знания именно для этого корабля и научиться на ней воевать, используя все её превосходства перед прежними проектами и противником.

В ВМА же давали очень много информации, как говорил мой товарищ адмирал Комарицын Анатолий Александрович, – академия ума не прибавляет, но кругозор расширяет, поэтому не думай, что после академии к тебе придёт поумневший курсант, которого ты знаешь с училища. Нет, придёт тот же, и если он был «дятлом», то «дятлом» и останется. Но страшнее то, что он сам себя теперь считает непрерываемым авторитетом и, часто понимая, что он окончил академию, принимает опасные решения, не обладая должным умом.

Действительно, кругозор расширялся за счёт большого объёма знаний по тактике действий кораблей всех классов – (противолодочные корабли, минно-тральные, ракетные, артиллерийские). Плюс добавлялись сведения по тактике морской авиации, морской пехоты, во время обучения мы принимали решение на высадку морского десанта. А как-то я на летней практике командовал дивизионом торпедных катеров. В ходе обучения учили главному качеству командира – принимать решения в различных тобой подготовленных операциях, боях, условиях, находясь в разных «должностях». Я и потом много учился и управлял силами, но всё остальное уже ложилось на опыт и знания, приобретённые в первой половине жизни.

Но в начале был Обнинск, большой круг и вот теперь я здесь на самом новом и эффективном подводном корабле ВМФ. Полагаю, что всё остальное заслуживает отдельного упоминания.

ГЛАВА IV. Любовь к Родине – главное достоинство человека

«Всё будет тогда, когда мы решимся».

Омар ХАЙЯМ

23 февраля 1983 года отошли от пирса. Выход с другим экипажем, довольно своеобразное мероприятие, это примерно то же, как всякий раз, когда приходишь в новый класс в школе. Вроде те же мальчишки и девчонки, одна улица одна программа и одни учителя учили и воспитывали. Но нет, другие и смотрят по-другому и понимают по своему и исполняют не так... Нужно было всё начинать с начала.

Мы ещё не знали, но нам на этом выходе предстоял главный бой в этой последней войне Советского Союза на Тихом океане. Это был период, когда страна, наконец-то отказалась от ведения пусть и холодной, но войны на своей территории и перенесла её на море. Это было переломным событием в умах наших государственных стратегов, привыкших мыслить сухопутными категориями.

Война на море обладает определённой спецификой. В данном случае комбатантами являются не только личный состав военно-морских сил, но и все военные корабли и невоенные суда, официально обращённые в военные (VII Гагская конвенция 1907 г.), и летательные аппараты, вхо-

дящие в состав морской авиации. Театр морской войны может включать в себя территориальные и внутренние воды воюющих государств, открытое море и воздушное пространство над ним, что принципиально важно, для ведения войны на море.

Наш флот терял робость. Флот стал океанским, он выходил в океан, впервые с 1905 года для войны, уже не боясь быть обнаруженными и уничтоженными, мы уже шли нападать, шли в наступление. Нет ничего оскорбительнее для командира корабля, чем страх и нерешительность тех военачальников, которые свою нерешительность перекладывают на командиров. Подспудный страх руководства, связанный со слабой осведомлённостью, а точнее безграмотностью и карьеризмом, вызывал в них нерешительность и истерику, когда надо было принимать не типовые решения. Согласно тому, что я слышал, никто из них не желал зла, только лучшее для флота, но ведь этого недостаточно. Много грустных мыслей роится в голове по этому поводу, но мы ещё можем подняться. Когда дело будет решено определённо и ход его назначен, то флот постоит за свою честь. Без сомнения, мы любим флот, но эта любовь должна быть взаимной, что отвечает желанию каждого человека. Если государство и его лидеры считают, что моряки – это наёмники, которые бесчувственны к своим кораблям, то они сильно ошибаются. Корабль всегда будет отвечать на любовь, а что он любит своего командира, в этом не может быть никакого сомне-

ния! Я в этом уверен, и это не просто железо, это аура, поле, существующее и одухотворяющее отношения корабля и командира, потому что чем, как не любовью можно объяснить эту всегдашнюю преданность и эту покорность корабля. Я не знаю почему, но чувствовал это, и что греха таить, любил свой корабль, как и большинство членов команды. Когда я покидал свой корабль, я чувствовал, как мне всё дорого в нём, дорого все, что на нем есть... Я до сих пор не могу передать, чем была для меня моя лодка! Нужно быть командиром, чтобы, столько раз рискуя, столько подвергаясь опасности, выжить и понять всю глубину этих чувств.

Чтобы продолжить повествование я вернусь к отчёту американского командования ВМС США по итогам учения на Тихом океане под кодовым наименованием «FleetEx-83-1».

1. Подозрение – мать премудрости

В преамбуле отчёта адмирала, командующего Авианосной многоцелевой группой США, по итогам учения было не двусмысленно написано, что: «Тихий океан плацдарм ВМС США для осуществления бесконтактной агрессии в любую страну мира и для ведения систематических боевых действий и морских операций сил флота США как самостоятельно, так и во взаимодействии с группировками других видов вооружённых сил Америки и её союзников». Ничего не изменилось. С исторических времён океаны и моря использовались как среда для ведения военных действий. Сегодня развитие морских вооружений позволило военным флотам с высокой точностью поражать объекты из акваторий океанов на всю глубину континентов. Наиболее развитые государства неудержимо рвутся к захвату громадных океанических пространств, к беспрецедентному в мировой истории разделу ими океана в свою пользу.

Наш флот искал свои пути решения стоящих перед ним задач, используя, в том числе и опыт прошедших войн, решая задачу национальной безопасности с морских направлений, действуя «флот против берега», «флот против флота», «флот на коммуникациях». В ходе локальных войн коалиции государств основными объектами удара избрали не вооружённые силы этих стран, а их промышленные центры, си-

системы энергетики, управления и связи, коммуникации, правительственные здания, а также важнейшие военные объекты и системы жизнедеятельности населения. По этим целям наносились удары высокоточным оружием с кораблей и самолётов палубной и тактической авиации при активном использовании системы радиоэлектронного подавления. В результате была парализована экономика и жизнедеятельность городов и населённых пунктов, а также государственная и военная системы управления. Поэтому действия флота США на этом учении носили обычный для себя наступательный характер, силы МСЯС наносили уничтожающие удары, против которых подверженные ударам авианосцев силы в т. ч. и системы ПВО казались неэффективными, неспособными отразить удар высокоточного в том числе ракетно-ядерного оружия. США. Создав региональное информационное поле на космических и воздушных аппаратах, американцы обеспечили выдачу целеуказания ракетным системам в реальном масштабе времени и наведение на объекты удара на конечном участке траектории. Массированные удары ракетами по военно-промышленным объектам и государственной системе управления могли поставить страну на грань экономической катастрофы. Таким образом, США без проведения сухопутной операции на территории СССР планировали фактически нанести поражение стране и группировке войск, чтобы страна капитулировала и приняла навязанные ей условия.

Здесь уже вступали в действие технологии пятого и шестого экономического уклада, породившие очередную – шестую – революцию в военном деле выявив механизм войны нового поколения. Теперь для победы над противником достаточно было подорвать его экономику, что не удавалось сделать в прошлых войнах. Сегодня эта проблема решается в основном с помощью доллара, как инструмента длительных массированных экономических санкций и последующих ударов высокоточного оружия морского и воздушного базирования с применением средств радиоэлектронной борьбы. Все это наложило отпечаток на действия наших сил в море и, в частности, подводной лодки СССР 671 РТМ пр., в Тихом океане, внесло изменения в тактику и стратегию применения сил флота с последующим изменением содержания и особенностей военного искусства в современной войне. Благодаря участию в учении «FleetEx-83-1» подводные лодки СССР третьего поколения, смогли продемонстрировать свои новые возможности в скрытном применении высокоточного оружия против АМГ и ОБК, нанося удары из-под воды ракетой-торпедой, оружием, не имеющим воздушной траектории и практически неуязвимой для противодействия, широким использованием радиоэлектронных средств, и оказанием противодействия системе ПЛО, а так же внедрением новейших элементов боя, составляющих важнейшее содержание войн шестого поколения. В связи с этим стала возможна более конкретная оценка оке-

анских и морских ТВД, группировок вооружённых сил и возможного характера ведения войны нового поколения иным составом сил и оружия.

2. Легкие победы не льстят сердцу русскому

«FleetEX-83-1» это была миссия США, имевшая оба этапа войны на море, на первом этапе она решала стратегию «флот против флота» в период с 12 до 29 марта, а на втором этапе операции, стратегию «флот против берега», активная часть, которой состоялась между 29 марта и 17 апреля 1983 года. АМГ состояла из трёх авианосных боевых групп. В учениях приняли участие американские авианосцы Enterprise, Midway и Coral Sea с кораблями сопровождения.

По словам адмирала Роберта Л. Дж. Лонга, главнокомандующего Силами США в Тихом океане, учение «FleetEx-83-1» явилось крупнейшим учением флота США, проведённом на Тихом океане со времён второй мировой войны. В первой трети марта 1983 года ВМС США начали скрытное развёртывание АМГ в северную часть Тихого океана. Конгломерат состоял из сорока кораблей с 23 000 членов экипажа и 300 самолётов был, пожалуй, самой мощной военно-морской армадой, когда-либо собранной Американцами. По замыслу учения, американские самолёты и корабли должны были спровоцировать советские на ответные действия, позволяя американской военно-морской разведке изучать советские радиолокационные характеристики, возможности

самолётов и тактические манёвры кораблей и командования. Прослеживая последующую хронологию событий и забегая чуть вперёд, я наткнулся на интересное совпадение событий 4 апреля (обратите внимание на дату), когда не менее шести американских военно-морских самолётов пролетели над одним из Курильских островов, самым большим из множества островков, называемых островами Хабомаи. Советы были возмущены и приказали провести ответный облёт Алеутских островов. Советский Союз также выпустил официальную дипломатическую ноту протеста, в которой обвинил Соединённые Штаты в повторном проникновении в советское воздушное пространство.

В то же время 04.04.1983 г. я, находясь внутри ордера на борту подводной лодки 45-й ДиПЛ, обнаружил корабль – ретранслятор американской ПЛА, находящейся в составе ордера, и таким образом установил место лодки типа «Лос-Анджелес» и определил радиус, в котором находится американская лодка охраны и сопровождения АМГ. Направил свою лодку в предполагаемое место нахождения ИПЛ. Через 2 часа акустик доложил об установлении контакта с предполагаемой лодкой, мы установили слежение за ней с применением аппаратуры спектрального анализа по ДСДС (дискретным составляющим) и следили за ней с дистанции применения оружия около часа, после чего я начал сближение на дистанцию классификации и записи шумов в акустическом диапазоне. Решил с целью выхода в позицию сле-

жения на подскоке пройти через район иностранной ПЛ, но под слоем скачка на глубине более 290 метров. Сближаясь с кораблём-ретранслятором, мной была обнаружена иностранная ПЛА. Доносить о ее обнаружении не было смысла по многим причинам. Записал в журнал боевых действий и установил за ней слежение, после 40 мин слежения, на решил, ограничиться. Появились признаки увеличения хода и перестроения АМГ в боевой порядок. Для занятия позиции рядом с авианосцем, мне предстояло, прежде всего, пройти рядом с американской ПЛА, для чего следовало принять меры противоторпедной защиты не нарушая скрытности, так же были приняты и другие меры в целях самозащиты. Но реально учение, при наличии внутри ордера не обнаруженной многоцелевой лодки противника, можно было завершать, и все эти навыки, вопреки всему, впервые получила советская лодка, действовавшая против АУГ, в том числе в составе ордера скрытно более трёх с недель и ещё двух недель в состоянии «разведка боем».

Тем не менее, до обнаружения советской лодки в составе ордера, учение, по мнению американцев, развивалось весьма успешно и эффективно в интеграции Объединённых сил ВМС США, кораблей береговой охраны Австралии, Военно-воздушных сил и канадского морского командования. Несмотря на плохую погоду, американский флот старался отличиться на протяжении всего учения. Учение имело целью проверить «способность США координировать с воен-

но-воздушными силами удары по Петропавловску и Алексеевке», как сказал Уоткинс в 1984 году. По словам Фоли (адмирал Сильвестр Фоли – командующий Тихоокеанским флотом ВМС США.), учение «дало Советам ещё немного фактов для размышлений», – пишет в своей статье У. Аркин, указывая также, что на тот момент коэффициент оперативного напряжения ВМС США на 20% превысил этот показатель времён Вьетнамской войны, а с 1982 года все операции флота осуществляются в рамках новой доктрины «гибких операций» (Flexible Operations), фактически являющейся морской частью Стратегии гибкого реагирования, представленной в 1961 году администрацией президента США Джона Кеннеди.

И, наконец, Уильям Аркин напоминает о том, что на вооружение была принята крылатая ракета большой дальности «Томагавк» в ядерном исполнении, которая, по словам руководителя объединённого отдела по разработке крылатых ракет, «дала понять Советскому Союзу, что его территория больше не является убежищем». Дальше он продолжает: «Военным операциям периода мирного времени позволили вырасти до такого масштаба, что они стали оказывать негативное влияние на американо-советские отношения... Игнорирование политических последствий таких военных операций является тревожным». Результатом учений, по мнению американцев должна быть новая модель периода эскалации конфликта, кульминацией которого планировалось до-

стижение военными США имитации комплексной ядерной атаки, координируемой из штаб-квартиры. Для успеха первого обезоруживающего удара США по СССР требовалось:

1.Подготовить общественное мнение («Империя зла»? Мирные самолёты сбивает?).

2.Первым ударом необходимо уничтожить или изолировать руководство страны, например, дождавшись, пока все политбюро и армейское руководство соберётся на каком-нибудь из многочисленных съездов/праздников.

3.Одновременно с этим атаковать ракеты шахтного базирования высокоточным оружием с территории близлежащих стран, силами ВВС и ВМС.

4.Уничтожить или ослепить системы предупреждения о ядерном ударе.

5.Предварительно вычислить положение советских подводных лодок и держать их под прицелом, чтобы уничтожить с началом войны и минимизировать последствия ответного удара.

6.В ходе подготовки к атаке требуется соблюдать жесточайшую секретность, все подготовительные мероприятия требуется замаскировать в режим повышенной боеготовности на фоне учений.

А теперь представьте, что США со 2 апреля 1983-го начинают учения, в ходе которых будет отработан переход на уровень боеготовности DEFCON-1 (официальное описание «Nuclear war is imminent» – ядерная война неизбежна).

При этом в учениях будут принимать участие президенты стран юго-восточной Азии. А сам «учебный» ядерный удар будет отработан 7-го апреля.

Карл фон Клаузевиц

Исходная обстановка. Март-апрель 1983 года. Разгар холодной войны между США и СССР, в ходе которой обе стороны стремятся добиться преимущества в ядерном противостоянии, а американцы хотят сатисфакции за проигранное учение «Океан-80» и «FleetEX-82-1» 1982 года.

Кроме того, Американцы в ответ на развёртывание советских ракет средней дальности «СС-20» (по НАТОвской классификации) на Западе России пытаются разместить в странах Западной Европы ракеты средней дальности с ядерными боеголовками «Першинг». Они способны через 5—7 минут поразить все объекты на советской территории до Урала. Конечно, главная цель – Москва. И вот тут флот Советского Союза должен выполнить своё основное предназначение – предотвратить войну на своей территории и нанести поражение врагу не совместимое с жизнью.

По странам Западной Европы прокатывается волна массовых протестов населения, обеспокоенного возрастающей угрозой ответных действий со стороны Советов. В Великобритании тысячи активистов блокировали на долгое время базу, на которой должны быть размещены пусковые установки ракет «Першинг». В чём-то это напоминает развитие сегодняшней ситуации, связанной с планами размеще-

ния системы противоракетной обороны (ПРО) уже в странах Восточной Европы (Польша, Чехия, Румыния) и пандемии с исключением населения из активной политической жизни.

В это же время американские военно-морские силы (новейшие многоцелевые атомные подводные лодки типа «Лос-Анджелес» и надводные корабли) оснащаются крылатыми ракетами «Томахок» в контейнерном варианте с дальностью стрельбы до 2500 км, включая ракеты с ядерными боеголовками, а также в обычном снаряжении с кассетными и бетонобойными боеголовками. Последние способны буквально «вспарывать» взлётно-посадочные полосы аэродромов, подавлять систему ПВО, поражать командные пункты управления и военно-морские базы противника на всю глубину их оперативного построения. Главная задача: завоевание господства в воздухе, на море, под водой и завершение военных действий на выгодных для США условиях. При этом не исключается и высадка морских десантов на побережье противника.

Для меня все вместе эти факты вырисовывались в достаточно логичную и угрожающую картину. Добавьте сюда, по данным разведки Першинги 2 (американские мобильные ракетные комплексы средней дальности, способные долететь до Москвы за 7 минут) поставят на дежурство не ранее 30-го ноября? А кто поручится, что они уже не стоят на замаскированных позициях? В ходе учений 1983 года был введён ряд новых элементов, которых не наблюдалось в предыду-

щие годы, в том числе новый уникальный формат кодированной связи, радиомолчания и участия глав правительств. Это увеличение реализма в сочетании с ухудшением отношений между Соединёнными Штатами и Советским Союзом и ожидаемым прибытием ядерных ракет «Першинг-2» в Европу, заставило некоторых членов советского Политбюро и военных поверить, что учение было уловкой войны, скрывающей подготовку к настоящему ядерному первому удару. В ответ Советский Союз подготовил свои ядерные силы и привёл в боевую готовность авиационные подразделения в Восточной Германии и Польше.

Очевидная угроза ядерной войны закончилась с завершением учений. Историки, такие как Томас Блэнтон, директор Архива национальной безопасности, и Том Николс, профессор Военно-морского колледжа, с тех пор утверждали, что это было время, когда мир приблизился к ядерной войне ближе, чем во времена кубинского ракетного кризиса 1962 года.

Холодная война (1979—1988) относится к поздней фазе холодной войны, отмеченной резким ростом враждебности между Советским Союзом и Западом. Она возникла в результате решительных действий советского правительства в Афганистане, выбив тем самым почву из-под ног американских стратегов. С избранием премьер-министра Маргарет Тэтчер в 1979 году и американского президента Рональда Рейгана в 1980 году соответствующее изменение внешнеполитического подхода Запада к Советскому Союзу озна-

меновалось отказом от разрядки в пользу отката доктрины Рейгана с заявленной целью растворения советского влияния в странах советского блока. За это время угроза ядерной войны достигла предельных высот.

После смерти советского лидера Леонида Брежнева в 1982 году, короткого переходного периода советского руководства, состоящего из Юрия Андропова (1982—1984) и Константина Черненко (1984—1985). Эта фаза холодной войны завершилась в 1985 году восхождением на престол реформаторски настроенного советского лидера Михаила Горбачёва, который взял на себя обязательство перед западом уничтожить Советский Союз и провести серьёзные реформы в советском обществе в угоду им.

3. «Не надлежит мыслить, что слепая храбрость даёт над неприятелем победу, но единственное, смешанное с оною – военное искусство»

(А. В. Суворов)

И вот уже в 90-е, спустя многие годы, начальник разведки ВМФ, в годы разрядки и братания в годы активного уничтожения советского флота, держал в руках Отчёт командира АМГ по учению «FleetEX-83», документ, присланный службами «мирного взаимодействия» из «логова» противника. Мой друг показал его мне для ознакомления, обращая внимание на обнаружение нашей лодки и несколько пунктов, в которых американцы указывали тактику советской ПЛА. Ничего нового по тактике наших сил, кроме того, что наше командование никак не учитывало наличие лодки внутри ордера, я не узнал. Больше того, о тактике речь не шла, были указаны отдельные элементы движения лодки. Но было главное! Новые неожиданные для противника тактические и боевые качества наших лодок, к чему они оказались не готовы. Такие выводы были для нас уникальной информацией, говорящей о выходе наших лодок на новый уровень противоавианосной борьбы по заключениям самих амери-

канцев. Подчёркивалась низкая эффективность средств поиска противолодочной обороны АУГ и признание её несостоятельности при поиске, а также низкая эффективность ПЛО АМГ даже после визуального обнаружения советской ПЛА. За лодкой не было установлено слежение. Так было всякий раз после визуального обнаружения лодки, контакт с ней они теряли. Отсутствие дальнейшего слежения за советской подводной лодкой делали всю дальнейшую деятельность АМГ бутафорской не имеющей практической основы для боя. И далее, у АМГ не было возможности для противодействия лодке СССР, которая выполнила задачу, при наличии и присутствии новейших сил и средств поиска в составе АМГ.

В подтверждение своих слов, приведу беседу командира лодки «К-305» Виктора Константиновича Бондаренко и офицера разведки ВМФ, В.К.: «В начале 90-х годов я был приглашён в разведотдел ВМФ. Прибыл в Главный штаб, нашёл указанный кабинет, вошёл. За столом сидел мужчина в гражданском костюме, было понятно, что он уже в запасе. Познакомились. Он предложил мне вспомнить мой поход. Начал с начала, он по ходу рассказа комментировал. Он не подтвердил контакт с иностранной подводной лодкой в Охотском море. Я пытался ему доказать, что спектральный анализ шумов, выполненный на гидроакустическом полигоне, на 100% подтвердил, что это шумы иностранной подводной лодки».

Я позволю себе вмешиваться по ходу «беседы», чтобы комментировать события, которые знал изнутри.

Этот офицер и не мог подтвердить контакт, потому что искал эти подтверждения контактов в отчётах и докладах вражеских командиров, т. е. в данных агентурной разведки. А там, в лодке США сидели такие же – америкосы, которые за три доллара зайца догонят, об этом ещё Карл Маркс писал, они не показывали эти контакты потому, что за это с них списывали деньги, т. е. штрафовали. Американец записывал в журнал: «Начали поиск подводных лодок русских, хода и курсы переменные...», а сам улепётывал, стараясь прервать контакт. Вот и вся, правда. Подобные заключения я буду приводить ещё, чуть позже в тексте, когда вы начнёте читать записи командира авианосца. Он нигде не показал дистанцию до нашей лодки менее 6 миль (60 кабельтов), хотя я маневрировал в 6 кабельтовых. Я сближался, всплывал только для того, чтобы они нас, наконец, обнаружили. Но когда они обнаруживали нас в пределах 6 кабельтовых, они писали дистанцию всегда больше, при этом выдавая это за скрытное слежение за советской ПЛА и установление контакта с нами. По этим докладам им шли премии, в отличие от наших командиров, которым по жизни, кроме взысканий как оказалось ничего не положено.

Человек в гражданском костюме мог быть высочайшим профессионалом своего дела, но о спектральном анализе и перспективных приёмах технической классификации це-

ли, он, очевидно, не имел понятия. Он всю жизнь проработал шпионом там у них, за бугром или аналитиком в Главном штабе. Подводных лодок не знал, поэтому искал подтверждения контакта в документах и отчётах американских офицеров, а их там не было. Подобные, не достаточно объективные заключения весьма опасны, т. к. все признания исходят из Главного штаба, и после экспертизы специалистов штаба, а специалисты могут ошибаться, не имея даже опыта службы на лодках, как в данном случае, приговор был роковой, и он не оспаривался. При этом спорить бесполезно, это всё равно, что рассказывать на другом языке. Никто не виноват, разное образование и они просто говорят о разном. В.К.: *«Спорить не стал, понимая, что честь мундира, прежде всего. Перешли к слежению за АУС. Здесь я впервые узнал, что лодка была обнаружена три раза:*

– первый раз – кратковременный контакт меньше минуты, когда американская ПЛА обнаружила нашу лодку, идущую на большой скорости во время перехвата АВМА «ЭНТЕРПРАЙЗ», о чём было сделано донесение на КП командира АМГ. Это была подводная лодка из состава ордера, работу РЛС, которой мы обнаружили до их контакта с нами;

– второй раз – палубный самолёт «ИНТРУДЕР» в 6 милях от авианосца (они пишут) радиолокацией засёк выдвижные ПЛА. На самом деле я уже торчал по курсу авианосца в 6—8 кабельтовых больше часа, самолёт, взлетая с палубы, обнаружил визуально лодку и только тогда, «сопоставив эти два

донесения, командование АМГ утвердило наличие следящей ПЛА».

Сразу развею все сомнения и сообщу читателю, что все эти обнаружения, начиная с 4.04., произошли не по воли американцев, а по воли старшего на борту, т. е. моей воле. Но к этому моменту наша лодка находилась уже более 20 суток в позиции слежения и применения всех видов оружия. Дальше тупо скрываться не имело смысла:

- во-первых, не обнаружив лодки, Американцы объявили бы полное и безусловное превосходство над флотом СССР и полный разгром Тихоокеанского флота СССР. Мы бы уже ничего доказать не сумели;

- во-вторых, нужно продемонстрировать присутствие советской лодки внутри ордера – демонстрация силы, которая сразу свела на нет все усилия американцев;

- в-третьих, выявить тактику АМГ, его противолодочных сил и возможностей применения оружия силами ПЛО АМГ внутри ордера.

После первого обнаружения в течении нескольких дней лодка СССР специально периодически находилась под перископом на траверзе авианосца, каждый раз более часа на дистанции от 4 до 8 кабельтовых или вблизи авианосца на взлётной биссектрисе, чтобы дать себя обнаружить и поднять вертолёт с АМГ.

Выписка из американских источников – из журнала учёта событий АУС:

«4.04. ПЛА „Лос-Анджелес“ донесла о кратковременном контакте с подводной лодкой в 8:15 и в 8:45. Донесение оставили без внимания»;

«6.04. Палубный самолёт „Интродер“ с АВМА „Энтерпрайз“, своей радиолокацией обнаружил выдвижные устройства подводной лодки в дистанции 60 кабельтовых от авианосца. Сопоставив эти два донесения, утвердили наличие в составе своего ордера советскую подводную лодку».

– третий раз «7:04 в 11:50 вертолёт «Си Кинг» с АВМА «Энтерпрайз» в 6 милях от авианосца обнаружил ПЛА и в 12:05; 12:14; и 12:34 нанёс по ней условный удар. (Лодка в это время была на перископной глубине, изучая и наблюдая за тактикой и действиями американцев). В 12:44 нанёс удар второй вертолёт. Как только я закончил свои разведывательные записи и убедился, что мы обнаружены, в 13:00 погрузится и дал ход 18 узлов, сохраняя скорость и курс неизменными в течение более двух часов находясь на глубине 60 метров вблизи ПЗК, Все четыре вертолёта потеряли контакт сразу после погружения. «Они не успевали менять позицию слежения. В 13:05 – контакт потерян, в 13:20 с помощью радиоакустического буя «Дифар» восстановлен, 13:28 – потерян. 13:38 – восстановлен и вскоре потерян». Я умышленно не менял скорость и курс, но четырьмя вертолётами американцы на скорости лодки 14 и более узлов опускаемыми приборами следить уже не могут. Противодействие слежению буями описывать не буду, актуально

до сего дня. Больше они нас не видели, хотя максимально наращивали силы поиска, привлекая дополнительные силы ПЛО, в том числе и берегового базирования. А мы по-прежнему находились в составе ордера, и я вёл разведку «боем».

В итоге, чтобы достичь критериев атаки, американцам потребовалось 18 часов при совершенно спокойном море и отсутствии всякого маневрирования подводной лодки. И то, это стало возможным только потому, что мне требовалось установить время достижения критериев атаки четырьмя вертолётami.

А командир лодки тем временем вместо управления лодкой занимался разборками с матросами по требованию офицера особого отдела. Такие «офицеры» тоже бывают.

Ещё раз обратите внимание, американцы записывают дистанцию каждого обнаружения не менее 6 миль, что входит в их нормативы, но не соответствуют действительности. Видимо меньше писать нельзя, оштрафуют командира. Никак я не мог упустить такую возможность – зацепить самолюбие американцев и проверить их фактические возможности по противодействию слежению и сопровождению обнаружившей их лодки. Разведка велась так, чтобы выполнить весь комплекс разведывательных мероприятий, как технической, так и агентурной разведки, дополнить данные гидроакустической разведки данными радиоразведки и радиоэлектронной разведки, выявить тактические приёмы поиска и обнаружения наших лодок противолодочной авиацией, ко-

рабельными противолодочными силами.

Мной были записаны все применяемые тактические приёмы с соответствующим им численным нарядом сил и др. Выполнена оценка времени необходимого американцам для уверенного применения оружия по лодке, даны рекомендации нашим командирам в выборе тактических и технических способов поиска и уклонения, скрытности при обнаружении сил АУГ в море и в выборе позиций для нанесения ударов по противнику. Отдельно были записаны технические мероприятия для подготовки лодки в базе и в море к подобным встречам и выполнению последующих более сложных наступательных задач. И такое время наступило. И это произошло в самый апофеоз учений, практически приводя всю стратегическую доктрину давления на правительство СССР, в том числе и с помощью АМГ, к провалу.

Любые сведения, полученные в ходе скрытного и не скрытного слежения, имели уникальное значение и могли в принципе изменить тактику подводных лодок. Безудержная гонка вооружений, качественно новые ступени в развитии морских вооружений, создание глобальной системы освещения надводной и подводной обстановки и управления силами во всей зоне Мирового океана, значительно расширили сферу вооружённой борьбы подводных лодок на море. Результаты, полученные мной на учении, позволили в дальнейшем изменить для нас формы и методы применения сил флотов, что было вызвано увеличением их боевых

возможностей. Все это в совокупности, определило взгляды на особенности вооружённой борьбы на море с приходом лодок третьего поколения и потребовало новых тактических и оперативно-стратегических решений в конце XX века:

- увеличился пространственный размах борьбы на море. Даже одиночные лодки стали способны выполнять целенаправленные оперативно-стратегические задачи, они стали инструментами стратегического оружия в океане; расширился круг оперативно-стратегических задач, решаемых на морских и океанских ТВД;

- повысилось значение фактора внезапности и его влияние на способы развёртывания и использования сил флота; появились новые направления, связанные с общими категориями военного искусства, относящиеся ко всем областям военной деятельности, таким как: война, вооружённая борьба, военные (боевые) действия, виды и формы военных (боевых) действий, военная мощь, военный потенциал государства, операция, бой, наступление, оборона, контр наступление и др.

Кроме того, позже они нашли своё отражение в моей второй диссертации в категории военного искусства, касающиеся отдельных его областей: Роль управления в реализации стратегической, оперативной и тактической инициативы; стратегический, оперативный и тактический успех; прорыв, господство на море, стратегическое и оперативное взаимодействие, обеспечение и т. п. Возникшие связи и кате-

гории военного искусства, их единая трактовка позволили системно раскрывать различные стороны и явления войны на море, определять взаимосвязи между ними, проводить сравнительный анализ развития военного искусства.

4. Теория без практики мертва, практика без теории слепа

Скрытность является одним из важнейших свойств подводных лодок, принципиально отличающих их от других сил флота и позволяющих незаметно для противника проникать в контролируемые ими районы, длительно там находиться и наносить внезапные мощные удары из-под воды по назначенным объектам и целям. Здесь она обеспечивалась большими глубинами погружения, правильным использованием гидрологии океана, незначительными уровнями физических полей подводной лодки, проведением различных организационных и технических мероприятий, применением необходимых тактических приёмов. Такой опыт уникален и его можно было приобрести только в мирное время, выявляя действительные возможности противолодочных сил грозного авианосного многоцелевого соединения, состоящего из трёх авианосцев, как минимум 300 самолётов, 1—2 подводных лодок и 40 кораблей охранения и обеспечения.

Выполненная мною «разведка боем» далась, безусловно, большим напряжением сил всего экипажа, приходилось не только уклоняться от противника, но ещё и от своих «контрольных» органов внутри лодки в течение многосуточного слежения за АМГ в составе ордера и скрупулёзного анализа возможностей АУГ по поиску и поддержанию контакта

с нами силами ПЛО АУГ. И что самое главное, первое достоверное «обнаружение» нашей лодки произошло с самолёта, взлетающего с палубы авианосца и только при визуальном контакте с дистанции 2—3 каб., когда лодка находилась вдоль курса взлёта у борта авианосца более одного часа. Это обнаружение командир группы утвердил, как окончательное, что и подтвердило присутствие советской ПЛА в ордере и позволило американцам включить все силы ПЛО для установления слежения, а мне выявить их тактику. В итоге показатели эффективности действий ПЛА, присутствующей в ордере, были включены американцами в систему оценки ПЛО авианосного соединения. В заключительном докладе в выводах Американцев было написано: ... *«...противолодочная оборона АМГ не обеспечила возложенных на неё задач, а маневрирование советской ПЛА на глубине более 300 метров, практически лишило силы ПЛО возможности применения оружия и не позволяло обнаружить лодку».*

Они получили удручающие для себя показатели боевой устойчивости и «срока жизни АМГ» с началом войны. Это был главный урок, полученный американцами и никак не оценённый нашими аналитиками. Обратите внимание на дату выхода ПЛ на БС – 23.02.1983 года и последующие даты: обнаружение ИПЛ в Охотском море 07.03. – выход американской лодки в Охотское море на поиск Советских РПКСН и установления слежения в ходе учения с целью нанесения удара по РПКСН с началом учения (войны),

12.03 – начало наведения лодки на АУС, установление контакта средствами радиотехнической разведки через 16 часов, слежение по данным РТР и выход на первый гидроакустический контакт 15.03 – начало скрытного слежения и скрытное поддержание гидроакустического контакта на дистанции от 24 кабельтовых, слежение оружием до перехода АУС в район формирования 29.03, маневрирование в районе формирования АМГ и ведение РР и РТР, со 02.04.83 г. – активная фаза учения, начало движения ПЛА внутри ордера в активной фазе учения, обнаружение иностранной ПЛА и контакт с ИПЛ ордера состоялся 04.04.1983 г., обнаружение советской ПЛА с самолёта АВМА – 06.04, 07.04. и вертолёта 16.04.1983 года. 17.04 Американцам стало понятно, что учение своей цели не достигло и было свёрнуто за ненадобностью. Советская лодка уютно чувствовала себя внутри ордера, а АМГ «беременная» таким «ребёнком» теряла смысл в продолжении учения. Практически они были «уничтожены» задолго до выхода на рубеж подъёма авиации и первого нанесения «удара» по Камчатке, и главное они так и не установили за лодкой непрерывного и надёжного слежения, а мы так ни разу не потеряли контакт с АВМА на протяжении всего слежения, что бы они ни предпринимали.

По завершению боевой службы грех было бы не потрепать американцев за холку в самый разгар их «операции». Моя цель была достигнута – развеять и в первую очередь наши опасения, а также убеждение наших штабных, что АМГ это

несокрушимая крепость, которая не под силу нашим подводникам. Все эти действия были мною подробно описаны в итоговом донесении по результатам боевой службы и отправлены на флот. Правда, там я не указал, что лодку обнаружили, но подробно описал все контакты и свои наблюдения. Незачем было портить настоящие героические итоги похода этого прекрасного экипажа. Кто, где и как у нас в стране изучал эти уникальные итоги того похода, не знаю этого до сих пор, всё остаётся загадкой, я больше никогда и нигде не встречал этого материала. 19 апреля мы закончили слежение и вскоре покинули ордер, так больше ни разу не обнаруженные. Дальше всё по порядку.

ГЛАВА V. Воинским делом мы от тьмы к свету вышли

1. АУГ вероятного противника

Вот что для командиров писала передовая советская военная мысль об авианосных соединениях и их не преодолимой для нас обороне.

Многоцелевые авианосцы с базирующимся на них авиакрылом (75—85 самолетов) являются ядром авианосных ударных групп (АУГ), и авианосных ударных соединений (АУС), которые входят в состав оперативных флотов ВМС США в Атлантическом, Тихом и Индийском океанах, и Средиземном море. Корабли этого класса являются важнейшим средством ВМС США для завоевания и удержания господства на море, а также воздушного превосходства на сухопутных театрах военных действий. Американские стратеги считают АУГ практически неуязвимым для противника. И это мнение действительно обоснованно, учитывая эффективность защитных средств АУГ. На расстоянии до 1000 км средства обнаружения АУГ уже способны обнаруживать противника и готовиться к отражению атак.

Поразить авианосец можно, лишь приблизившись к нему

на расстояние пуска ракеты. Однако АУГ способна контратаковать противника при помощи палубной авиации ещё до подхода того к рубежу ракетной атаки.

Во времена холодной войны проблема противодействия АУГ вероятного противника стояла перед руководством ВС СССР весьма остро. Поэтому советские методы борьбы с АУГ были крайне востребованы и гораздо менее дорогими, чем применение авианосцев, но в то же время эффективными.

Выписка из курса подготовки советского командира: «Преодоление противолодочного охранения АУГ, является практически не разрешимой задачей для группы подводных лодок численностью менее пяти единиц. И полностью исключает выход на дистанцию торпедного залпа для одиночных подводных лодок». Далее: «Основным средством противолодочной обороны (ПЛО) АУГ являются противолодочные самолёты S-3A „Викинг“ ... Поисковое оборудование включает: магнитный обнаружитель AN/ASQ-81, до 60 радиогидроакустических буёв, ИК станция переднего обзора OR-89/AA, аппаратура РТР AN/ALP-76. Магнитные обнаружители AN/ASQ-81. Инфракрасная станция AN/AAS-36. Радиолокационная станция AN/APS-115B. Станция радиотехнической разведки, подлодки, находящиеся в составе АУГ, силы ближнего охранения АУГ включают вертолёты и надводные корабли, создавая, таким образом, сплошное кольцо гидроакустического наблюдения».

Просто жуть какая-то. Себя запугали и других тоже. Теперь, после похода, об эффективности можно было говорить, базируясь не только на выкладках военных теоретиков, но и на результатах практических наблюдений. Теперь, появилась проверенная на практике тактика противодействия авианосцу из состава современной АУГ одной ПЛА 671 РТМ проекта, группой лодок и противоавианосным соединением.

2. В уставах порядки писаны, а время и случаев нет, а посему не следует держаться устава яко слепой стены...

Пока Боевая служба не предвещала особенной работы и приключений. Самый простой вариант поход «за угол» в Охотское море, рядом с домом и в благоприятном районе. Единственные неприятности – это рыболовные суда, которые выходили на чистую воду для лова рыбы. Меня тревожила только та таинственность, с которой нас отправляли на боевую службу. Командующий флотом утвердил меня в Академию. Мне нужно было к возвращению в базу «подтянуть» всю высшую математику устно и письменно, военную географию, английский, философию, уставы и ещё три-четыре секретных предмета плюс физподготовка: бег 1 км, 6 км, подъем переворотом, выход силой, подъём прямых ног к перекладине, упражнения №1 на перекладине и брусьях – самое сложное физкультура, за три дня не выучишь, нужна система, а где в лодке бегать? В конце мая уже начиналась экзаменационная сессия.

Тем, кто не сдавал эти экзамены, может показаться, ну высшая математика – да, а уставы, ну что здесь сложного. Вовсе не так. Чтобы сдать уставы, ими нужно жить: «есть, так точно, разрешите идти!» Если на одних кораблях это со-

блюдалось максимально, и было правилом жизни, то на других кораблях и катерах этим пренебрегали. Пренебрежение документами, написанными кровью, опять проливало кровь.

Собрали нас на экзамен по уставам. Все начищены, наглажены, выбриты до синевы и с глазами навывкат, демонстрируем служебное рвение. Ещё и собраны мы в актовом зале, стулья убраны для совершения движения строевым шагом, с исполнением строевых приёмов на месте и в движении.

Входит генерал морской пехоты (лучшие знатоки уставов и исполнители строевых приёмов на флоте). Звучит команда:

– Товарищи офицеры!

Звук встающих стульев.

Генерал:

– Товарищи офицеры!

Звук садящихся стульев.

Затем он оглядывает зал (взгляд у него такой, будто перед ним Тихий океан). Повернулся и куда-то вдаль, может быть, в просторы:

– Всё, что написано в уставе достойно глубокого изучения... Вот вы! Да-да, вы! Нет, не вы! Вы сядьте! А вот вы! Да, именно вы, нестриженный, – Каплей неосмотрительно вольготно развалился на стуле перед генералом. – Встаньте! Почему в таком виде... прибываете на экзамен?.. Что вы себя ощупываете, я спрашиваю, почему не стрижен? Что? У вас галстук где хранился? А где ваши медали? Не дёргайте себя

за грудь... Почему одна медаль? Где остальные? Этот капитан-лейтенант откуда? – обращается ко мне, как старшему группы, молчу, вспоминаю, откуда он. – Безобразие! Старший группы! Это ваш офицер?

– Так точно!

– А? Вы что, не узнаете своего офицера?.. Что? Только прибыл на экзамен? Ну и что? Он что, не офицер?.. Или его некому привести в чувство?.. Разберитесь... и по каждому человеку... пофамильно... ну, это отдельный разговор. – Опять каплею: – Я вижу, вы не понимаете... я вам объясню, если вы не понимаете. Так! Товарищи! Для чего мы, в сущности, вас собрали? Да! Что, на сдачу экзамена по уставам... Вопрос сложный... положение непростое... автономки?.. 300 суток в море?.. сложная обстановка... Мы – офицеры! Что? На тяготы и лишения! (ептыть!) Стойко переносить! (ептыть!) И чтоб никаких и ходить здесь только строевым под подбородок! (ептыть!) Тут вам флот, а не девок за подол дёргать... Так! С экзаменами все ясно?

– Да, ясно, – каплей прогнулся. А нужно было сказать: «Так точно, товарищ генерал!» – и то, если спросят.

– Это кто сказал? Вы? Вы зачем это сказали? Я вас спрашивал? Вы сейчас, где находитесь? Ептыть. Совсем не подготовлены! «Так точно», «так точно» должен звучать ваш ответ. Вот возьмите расписание и отдайте капитану 1 ранга, вот тому с расстёгнутой ширинкой...

Офицер берет бумагу и не глядя, повернувшись на стуле

вполоборота, передает документ.

– Это вы так выполнили приказание? Что вы глаза пучите? Вы должны были встать, ответить «Есть»... и повторить приказание.... Подойти строевым шагом к старшему по званию... и попросить разрешения обратиться, да-да, у того с расстёгнутой ширинкой.... Застегнул? А кто разрешил? Передать ему расписание и повторить моё приказание... и строевым шагом ко мне... доложить о выполнении приказа! А вы что?! Что мы тут рядом?.. Вы что пререкаетесь? Кем были на флоте? Командиром ракетного катера? Отправьте его обратно на катер... это он мне... он ничего не знает! Он пререкается... Оценка за знание уставов – неуд. Всем проверить фамилии своих офицеров.... Чтоб... поимённо! Принимайтесь за экзамен. Так, все озадачены?

– Товарищи офицеры!

Звук встающих стульев.

На-у-ка.... И генерал, на самом деле, прав. Он его провоцировал, а тот попал. Каплей нарушил всё, что можно. Он пришёл переписывать уставы на бумаге, а их нужно было выполнять. Экзамен он и ещё двое не сдали.

Уставы даны нам, чтобы побеждать. Человек, командир побеждает разумом, разум, познав мудрость прошлых командиров, обретает искусство, которое ему компенсирует численность и приносит победу. Уставы – это ближайший путь познания, кратчайшее расстояние от опыта победивших неприятеля отцов и дедов до сегодняшнего взаимодействия.

ствия в бою. Весь устав пронизан взаимопомощью, помощь друг другу – лучшая тактика, традиции, переданные тебе предками, нужно беречь. Каждая заповедь, каждая статья устава – это кровь и пот наших предков. Устав – это не только перечень требований, но и лаконичный и единообразный язык управления, который нужно знать, на котором ты командуешь и говоришь, также как и мундир, который носишь. Устав учит относиться к нему с большой благодарностью, а благодарность – это добродетель, морякам всегда свойственная.

Обращение в прошлое это зеркало будущего, зная прошлое, будущее, не застанет вас врасплох. Каждый верующий помнит тех евангельских дев, у которых не хватило масла в светильниках, когда пришёл жених. Предвидение войны долг военного человека. Войны начинаются и заканчиваются одинаково, а вот степень поражения зависит от оружия, победа от искусства ведения войны. Соединить оружие и искусство войны сегодня – наш долг, потому что, кто знает, когда настанет момент, и вы получите приказ: «час близок». Цените опыт и тщательно сохраняйте завоевания наших великих предков. К сожалению, боевая подготовка кораблей часто страдает от короткой памяти и от желания достичь вместо мастерства идеальной чистоты.

Вот мы и в море. Нужно распределить нагрузку и поддерживать друг друга, мы договорились с командиром нести командирскую вахту по 12 часов каждый, я «ночью», когда ко-

манда отдыхает, а он «днём» когда проводятся все работы и учения. Перевели часы на Московское время и пошли. Конечно, во многих эпизодах на всплытии, по тревоге и др., мы встречались в ЦП лодки. Понимая, что обязанности и субординацию никто не отменял, командир представлял мне своё решение на текущие сутки, я его утверждал, как старший на борту, и мы выполняли боевую задачу. Но я не вмешивался в управление кораблём, понимая, что командир он опытный, грамотный, имевший за плечами уже большой и разносторонний опыт службы, хорошо знавший свой отработанный экипаж и подводную лодку с её отличительной особенностью. Да и мне хватало того времени, когда я оставался один в ЦП, стараясь максимально приблизить экипаж к успеху. Поэтому в своём повествовании буду излагать то, что видел и делал сам, ни прибавляя, ни убавляя, объективно передавая читателю.

Находимся к востоку от полуострова Камчатка. Ветер – Норд-Норд-Ост 3—4 балла, лёгкая облачность, очень ясная погода, солнечное сияние по всему горизонту. После дифферентовки легли на курс и на глубине 90 метров, начали переход в Охотское море, район несения боевой службы. Было время для отдыха команды после напряжённых суток приготовления лодки к выходу в море. В 16:00 – подъем. После ужина в 19:30 начали приготовления к проходу проливной зоны. Корабль подготовлен к форсированию узкости. Боевой дух экипажа исключительно высок. Всплыли в 23:07 на об-

сервацию. Мера может быть и не вынужденная, но традиционная. После ужина для всей команды объявлен отдых свободным от вахты. Все шло по плану до 23:07, обнаружил в перископ торговое судно, идущее встречным курсом, Я не смог распознать судно ни при каком увеличении, несмотря на очень ясную ночь и яркое сияние звёзд. В 23:31 снова всплыли и вошли в пролив, следуя по течению. По мере приближения ясно просматривался горизонт и возможно берег, поэтому поначалу мне показалось, что мы уже в Охотском море и пора готовиться к поиску подводных лодок противника. Однако штурман, проанализировав счисление, заявил, что приготовления преждевременны, и я мгновенно осознал ошибку – мы в проливе, отворотом влево скорректировал курс, несколько минут спустя, стало ясно мы ещё не вошли в район. В перископ я наблюдал весьма драматическое зрелище. На берегу все темно, высоко в небе – яркая луна, поверхность воды с отражёнными облаками, непосредственно освещалась сверху,двигающиеся в проливе суда, чем-то напоминали театральные декорации. Теперь мне воздаётся за усердие в изучении карт заранее, поскольку адаптация проходит быстро.

На курсе 270 разошлись с целью, следующей курсом 315° на значительной дистанции. В следующую минуту штурман доложил, что лодку разворачивает течением вправо. Утвердил новый курс с учётом течения, направив лодку под углом к течению, после чего вернулись на курс и вошли в район

боевой службы в Охотском море. Все до неприятности просто. Вся поверхность моря освещена. Погрузился. Акустик докладывает о дальних целях, по левому борту в ближней зоне обнаружено рыболовное судно, которое дало ход и для которого в ближайшие несколько минут лодка не представляет угрозы, приказал вести цель. В этом случае мы фиксируем район и рыбака, попадание в сети значит – все будет потеряно; в настоящий момент к югу от мыса кораблей не обнаружено, хотя видимость исключительно хорошая. Последующие решения: к юго-западу от мыса признаков судоходства не обнаружено, поэтому, прежде чем занять район, следует предпринять все возможные предосторожности, поворачиваю вправо. Следуем на север вдоль берега. Два рыбака стоят в дрейфе, и далее ближе к берегу горизонт чист.

Вечерний чай. В офицерской кают-компании в большинстве молодёжь, подтянутые, чистые, с хорошими манерами. Внешне полностью деловые люди. Лица свежие, глаза весёлые. Эти прошли весь путь от учебного центра до сего похода. Их психика заточена на задачи корабля и не загружена тяжёлыми воспоминаниями. Море для них не в рассказах, оно в них и традициях.

Спиной ко мне сидел молодой капитан-лейтенант командир электронно-вычислительной группы (ЭВГ), с которым мы в походе отрабатывали приёмы управления кораблём и маневрирования в ордере, используя БИУС. Зовут, его Анатолий и жил он в Щёлково Московской области. Конеч-

но, нигде в анналах государства Российского, эти безызвестные герои не числятся.

Почему-то американцы, особенно англичане, французы, немцы, служение стране и народу считают делом чести, нравственной обязанностью каждого, кто относит себя к флоту, тех, из кого потом вырастает элита флота благодаря своим знаниям, заслугам и преданности своей стране. Случайных людей, отсидевшихся в штабах и на берегу, в элите флота там встретить очень трудно. Это в первую очередь вековая нравственная позиция общества, самого флота, строго хранящая той же элитой общества. Это дело чести. Их имена знают и ценят, возникают фамильные, родовые кланы, которые служат опорой государству веками и образуют стержень государственного управления. Им помогает государство, они всегда поддержаны и обеспечены тем статусом, который даёт им право служить, не оглядываясь на сплетни и интриги. А имена наших командиров, офицеров и адмиралов, если и пробиваются на поверхность общественного мнения, то только по случаю скандала или очередной грязной истории, раздуваемой журналистами. Будто дрова наши ребята колют или мороженым торгуют...

Роль чести, достоинства, честолюбия человека в моральном регулировании общественных отношений прекрасно стимулирует иерархическая система «Табель о рангах». Она вызывает рост честолюбия у всего народа, который готов пойти на жертвы и подвиги, чтобы службою своею создать

достойное общества сословие. Нет такой задачи, за решение которой не взялся бы русский честолюбивый подданный. Если бы только за заслуги перед Отечеством можно было получить личное или даже потомственное признание, которое нельзя заслужить никакими деньгами, тогда образованное, мыслящее сословие, в первую очередь было бы обязано защищать свою честь. Достоинство должны были получать наиболее полезные для государства люди: воины, учёные, деятели культуры, госслужащие, инженеры и конструкторы, банкиры и промышленники, работающие на общество, а не воруящие у него. Вот как-то так должно оценивать общество полезность своих подданных!

Сегодня такого интегрирующего народ сословия в России нет. Власть принадлежит этническим, криминальным, финансовым группировкам. Отсюда и плохая регуляция общественной жизни, как с помощью юридических, так и нравственных законов. Как итог отсутствие управления и должной обороноспособности государства. Я в начале 90-х думал, что неужели они, власть придержащие, не понимают, что они никчёмны и беззащитны без государственного стержня, образованного интегрирующим обществом сословием? Нет, понимают, но государство у них было своё, ему и служили. Очевидно, для исправления положения государственная система управления должна быть сделана строго иерархической, а продвижение по служебной лестнице чиновников — зависеть от их заслуг перед Отечеством. Когда в нынеш-

ние времена была введена система оценки государственных служащих, подобная «Табели о рангах», многие вздохнули с облегчением, ожидая устранения хаоса в стране. Увы, она не была полностью претворена в жизнь. Той влиятельной верхушке России хаос выгоден: в мутной воде легче ловится золотая рыбка! Да и возрождение великой России ей было не нужно!

Кают-компания пустела. Вестовой Семён покрывал столы свежими скатертями. За бортом привычная глубина, не хотелось возвращаться в каюту, где меня ждали учебники по высшей математике. Попросил ещё стакан чая, стал ждать очередного киногероя Гайдая – «Шурика», которого готовил замполит для офицеров свободной смены.

Примерно в 04:21 после смены очередной вахты начали демонстрацию фильма; во втором отсеке собрались свободные от вахты офицеры. После трёх часов «Шурика» напряжение уходит. Жизнь в лодке опять проснулась. Очередная смена готовилась на вахту. 8:00 включили полное освещение в отсеках, оно осветило каюты и коридор, я направился в свою каюту, находящуюся в 2 метрах от меня, звучали команды по лодке, очередная вата заступила на вату. Я решил отдохнуть, до заступления на вахту оставалось 4 часа.

Сейчас от меня требовалось отдать больше, чем меня учили. Сейчас был нужен мой интеллект, способный трансформировать знания и опыт к познанию, осмыслению и разрешению задач. Мне нужно было соединить в себе все позна-

вательные процессы, воображение и восприятие, ощущение, память, мышление и представление и приспособить это к новым обстоятельствам, основываясь на опыте, использования теоретических концепций и применении этих знаний для управления лодкой в различных условиях «войны» и окружающей среды. Очевидно, что я не формулировал себе всех этих задач, я просто думал, как быть?

Для того чтобы стать командиром подводной лодки, следовало пройти сложный и очень напряжённый путь. Самой собой, училище, где формировались первоначальные навыки и привычки, где человек учился жить совсем в иных условиях и при иных социальных отношениях. Пройти первый офицерский период службы, период становления, самоопределения и самопреодоления, когда офицер самоутверждается, очень много учится и служит без семьи и отдыха многие годы, в условиях хронического недостатка времени, физической и моральной перегрузки и поглощения непомерно большого объёма информации. Сдать на допуск к самостоятельному управлению кораблём в течение года, исполняя при этом свои и чужие обязанности, это как экстерном, сдать экзамены в объёме программы технического ВУЗа. Затем претендента рассматривала комиссия флота и направляла на Высшие специальные офицерские классы – десятимесячные курсы, на которых отрабатывалось управление подводной лодкой во всех возможных и невозможных ситуациях и формировались устойчивые и всесторонние теоретиче-

ские знания и практические навыки.

Меня назначили старшим помощником командира на лодку, которая ещё стояла на стапелях. Мне пришлось после классов изучить ещё один, совершенно новый проект атомного подводного корабля следующего поколения, который требовал совсем иных подходов и иных знаний. И я в должности старшего помощника закончил специальный учебный центр, где дополнительно изучал атомную энергетику, новое оружие и формировал свой экипаж. Мне едва исполнился тридцать один год, когда я стал командиром атомной подводной лодки третьего поколения «К-492». Это было не поздно для подводника в мирное время. Возможно, для военного времени этот возраст считался достаточно солидным, во время войны командирами становились уже в двадцать пять, двадцать семь, двадцать девять лет. Но я считаю самым лучшим возрастом для командира атомохода тридцать – тридцать пять лет, когда человек не слишком стар, но уже имеет опыт и личное мнение, и ещё достаточно молод для того, чтобы размышлять о свободном творчестве командира. К тридцати семи годам большинство мужчин становятся уже более осторожными и им пора занимать следующие должности или уходить на стратегические лодки. Хотя и у нас, и у американцев стратегическими лодками командуют командиры и постарше. Так в каком возрасте должен быть командир лодки или надводного корабля? Чем отличается командир полка от командира лодки, чем кроме карьер-

ного роста нужно заинтересовать командира и признать его заслуги? Сегодня это самый важный вопрос и на него нужно отвечать. Флот сегодня нуждается в командирах кораблей, которым самостоятельно без старшего на борту доверяли бы выполнение задач.

В начале 90-х годов прошлого века качество командиров снизилось из-за «озеленения» флота, а в 2000-х из-за отсутствия флота. Командиру разрешили самостоятельно заниматься лишь хозяйственно-административной деятельностью при стоянке лодки в базе. А ведь это прерогатива тыла и самое большее на корабле – помощника командира. Но эту «страшную» тайну беспомощности и несостоятельности российского флотского командира они командиры, уносят с собой в могилу, скрывая тем самым страшную истину, что утрачены навыки войны.

Мне не сложно сравнить свой опыт командира до самостоятельного командования лодкой, когда в море выходил со старшим на борту и со своим же опытом командира после выполнения самостоятельных боевых служб на грани войны, практически участвуя в военных учения с иностранцами и находясь в зонах военных конфликтов. Командиры, не знающие, что такое реальные боевые действия и не знакомые с опытом боевых действий иностранных ВМС в локальных конфликтах, это совсем плохо!

А. Суворов писал: «Кто может быть хорошим первым, став вторым – талант теряет». Значит, нужно категорически

менять подготовку командиров, и самое главное – это статус и положение командира на флоте и в обществе. Но где же их взять, если они даже не представляют себе, каково это – остаться один на один с морем, со своим экипажем, кораблём и огромной ответственностью.

Почему же так сложилось в российском флоте? Вопрос не праздный, но и не смертельный. А получилось это потому, что командиры не должны быть баталёрами – ведающие на кораблях и базах продовольственным, вещевым и другим снабжением, а всю жизнь заниматься только войной, имея везде полное и достойное обеспечение своей деятельности и в первую очередь жизни и боевой подготовки. Командиры не должны быть допущены к кораблю де-юре (т.е. условно) по принципу – главное, назначить нужного человека, невзирая на его желание и способности, преследуя очередную карьерную ступень. Командир должен быть назначен на всю командирскую жизнь и дальше, кому действительно Богом дано идти выше.

Перестраховки начались, когда уровень индивидуальной подготовки командиров дивизий и командиров кораблей стал резко снижаться, как я говорил после неоправданного омоложения – «озеленения» и карьерного протекционизма, ну и развала флота в 90-х. Вместо того чтобы менять систему подготовки командного звена, в ВМФ на мостики кораблей стали подниматься недоученные, неподготовленные, не ходившие на боевые службы, не имеющие даже опыта швартов-

ки и межбазовых переходов, не созревшие и не готовые морально нести груз командирской ответственности офицеры. Тогда и стало страшно выпускать таких командиров в море самостоятельно.

Теперь к вопросу о старшем на борту. Как правило, это те же командиры, которые прошли ту же школу, что и вновь назначенные командиры и если они ни разу не выходили в море, только теперь уже на уровне дивизии – это минимум заместители командира дивизии (ЗКД), то что делать и как делать им предстоит самим решить.

Нужно вернуться к собственному опыту, приобретённому флотом начиная с 1917 года. С одной стороны, «делай, как я», а с другой – вернуть систему подготовки офицеров флота, утраченную после многочисленных постперестроечных сокращений и реформ.

Подготовка командиров должна носить системный характер в соединениях и объединениях флота с вкраплениями теоретического образования в рамках ВМФ. Например, курсы подготовки командиров подводных лодок – ВОЛСОК и региональные флотские центры практической подготовки при соединениях и объединениях (вместо караулов и приборок улиц).

Практически в стране достаточно одного небольшого учебного центра, рассчитанного на четыре-пять групп по числу флотов и флотилий ВМФ в группе от пяти офицеров, расположенного на территории не замерзающей аквато-

рии моря с круглогодичным обучением по типу 6 ВОК ВМФ. Учитывая разрозненность флотов и их специфику, с последующей доработкой командиров на флотах.

Это дорогое удовольствие, но государство не должно жалеть денег, так как они окупаются безаварийным плаванием кораблей. Как правило, такой жёсткий отбор должен проводиться после окончания классов и контроль на флоте после сдачи на допуск к управлению кораблём.

Здесь может пригодиться опыт гитлеровской Германии, которая во время войны имела учебную флотилию подводных лодок в Данциге, состоящую из 36 подводных лодок, готовящих к боевым действиям. Вновь сформированные экипажи и их командиры имели эффективность своих лодок значительно выше наших.

Видимо, нужно дополнить методику и принципы обучения командиров на специальных офицерских классах ВМФ, которые благодаря поиску «истины» в эпоху перестройки уже не соответствовали современности, они не должны терять связь с флотом, морально стареть, быть безликими. Обучать следует вещам, которые флоту нужны сегодня.

Эта организация должна нести ответственность за своих выпускников и давать права контрольного допуска офицера к самостоятельному управлению кораблём, что является обязательным этапом в подготовке офицера, чтобы не получалось, что кадры для мостиков кораблей куются теми, кто сам не прошёл командирской школы, не имел допуска к са-

мостоятельному управлению кораблём.

А ведь первое и самое главное, с чем столкнётся командир это с его практической частью: количество и качество швартовок, погружений, всплывтий, торпедных стрельб, ракетных стрельб, учений по борьбе за живучесть при тяжёлых авариях, этот перечень никем и ничем не определён, поэтому на качество допуска не влияет. Закрыл зачётный лист – и в приказ о допуске!

А сколько раз, и с какой успешностью была выполнена торпедная (ракетная), стрельба – никого не волнует. Можешь ты швартоваться или нет – никто у тебя не потребует этого показать. Способен ты скрытно выйти из базы – это без разницы для включения тебя в приказ о твоём допуске к самостоятельному управлению.

Убедительно, что система допуска в ВМФ будет эффективна, когда появиться шкала критериев оценки готовности командира к войне и управлению кораблём. Должна быть уверенность в том, что в случае фактических боевых действий и выходов в море не произойдёт сбой по причине пресловутого человеческого фактора.

И второе, не менее важное в службе – это сохранение подготовленных командиров. Здесь значение имеет социальное и карьерное обеспечение службы командира. Служба не должна выматывать командира до последних сил. Сама должность командира корабля должна быть настолько престижна и комфортна, что обеспечивала бы длительный срок

пребывания на ней высококвалифицированных и талантливых офицеров, а не использовалась только для карьерного прыжка или отметки в личном деле.

Командир лодки – это настолько штучная и специфическая должность, что она радикально отличается от всех других командных должностей вооружённых сил. Командир лодки с одной стороны лично управляет кораблём и оружием и от того, как он стреляет, зависит победа, с другой стороны руководит личным составом и всем кораблём, и корабельным хозяйством. Даже на надводном корабле часть этих обязанностей распределены между подчинёнными и берегом, не говоря уже о сухопутных полках и дивизиях.

Фактически я командовал лодкой почти до тридцати пяти лет, приобрёл опыт командира и заместителя командира дивизии, плавая старшим с другими экипажами, и служил на флоте без перерыва 30 лет. «К-492» была одной из первых представительниц атомных подводных лодок типа «Щ», которая вышла по уровню своего боевого потенциала в разряд лодок третьего поколения. Поколения лодок не должны определяться очерёдностью их строительства и сменой проектов, поколение должно определяться их боевым потенциалом, способностью ведению войны и уровнем решаемых задач.

Сейчас я лежал на своём диване и думал, какие прекрасные были эти лодки водоизмещением более 7000 тонн, созданные в переходные 70-80-е годы – в основном заводом

Комсомольска на Амуре и меньшая часть на европейских заводах. После завершения строительства и испытаний, входа в линию, я снова присоединился ко 2-й флотилии в составе 45-й дивизии подводных лодок.

Для службы на ТОФ и совершения дальних океанских походов была необходима наша универсальная лодка, которая впоследствии отлично воевала против американского флота во времена холодной войны. Эти лодки, могли с одинаковой эффективностью использоваться как в прибрежном районе, так и в океанских глубинах, по моему мнению, ничем не уступали американским и были бесспорно лучшими субмаринами того времени. И это не только моё личное мнение, которое пока никто не оспорил.

ГЛАВА VI. «Военное дело – первое из мирских дел яко важнейшее для обороны своего отечества»

1. «Дело мастера боится, и коль крестьянин не умеет сохою владеть – хлеб не родится»

Мы прибыли в район боевой службы. Экипаж впервые вышел для выполнения поставленных задач, и я должен был не только контролировать действия команды, но и передать тот опыт, который уже имел. У командира это тоже был его первый выход на боевую службу. Экипаж ПЛАТ К-305, отработал весь курс задач и готов был после постройки выйти на войну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.